

Штаний Любовь

**Муж
для потомственной
попаданки**

Если твоя мама попаданка, а папа принц — это приговор. Гены в тумбочку не спрячешь и себя не обманешь. Если же любимые родители пропали неизвестно куда, а тебя королевской волей собираются всучить какому-то уроду в качестве придатка к наследству — это и вовсе убийственно. Но я же не просто так мамина дочь!

Даёшь идеального мужа потомственной попаданке!

— Это черт знает, что такое! — я влетела в свою временную комнату, хлопнув дверью так, что разноцветные стеклышки в витражных окнах задребезжали. Жалобно так, предостерегающе.

Увы, я была слишком зла, чтобы всерьез прислушиваться к такой мелочи, как голос разума или, например, сухой треск древесины, раздавшийся, когда в сердцах швырнула в стену позолоченный стул.

Нет, это просто издевательство! Чем я такое заслужила?

— Дульсиня, — дверь осторожно приоткрылась, но просовывать голову в образовавшуюся щель никто не спешил. Весьма благоразумно, кстати.

— Иди к чёрту! — рыкнула на Александра, притаившегося на подступах к моей взбешенной персоне.

Его Высочество Александр Чудесный, если быть точной. Ха! И чудесный, и прекрасный, и добрейший! Все эти эпитеты, которыми щедро одаривали наследника трона подданные, вполне соответствовали действительности. Но если бы только эти!

Я торопливо подскочила к окну и рванула тяжелую портьеру в сторону. Ничего.

— Где мой кактус?! — взвыла, чувствуя, как от злости кончики пальцев начинает покалывать магия.

Маг я слабенький, но в сердцах подпалить занавеску ничего не стоит. Рванулась ко второму окну и — о счастье! — увидела вожделенный горшочек с круглым растением, щедро утыканным длинными красными иглами.

— Милая, я не понимаю, чем ты так недовольна. Давай просто поговорим? Мама сказала...

Зарычав от бессильной ярости, я со всей дури метнула кактус на звук. Попала в дверь, поскольку Александр стоял все еще под её прикрытием. Как это на него похоже! Осторожный, гад.

Ошметки кактуса, осколки горшка и сухая земля брызнули во все стороны. Добротная дверь, украшенная причудливой резьбой и позолотой, обратилась клубами розового дыма, премемерно мерцающего серебристыми искрами, но, прежде чем закашляться и потерять сознание, я еще успела увидеть ошарашенное лицо... жениха.

Когда очухалась в знакомом с детства кабинете, Александр еще стоял перед глазами, как наяву. Высокий блондин с мужественными чертами лица, ярко-голубыми глазами и великолепной фигурой. Убила бы!

— Дуся, ты в порядке? — не соизволив даже оторваться от своих бумаг, поинтересовался Толик.

— Люси! — рывкнула, подскакивая с низкого диванчика. Увы, длинная бархатная юбка так спеленала ноги, что встать с первого раза не вышло. — Я же просила не называть меня

Дусей!

— Как скажешь, — хмыкнув, кивнула эта зараза и назло: — Дуся.

— А, чтоб тебя!

Кое-как справившись с юбкой и кринолином, я все же встала и метнулась к дубовому столу, за которым сидел этот... этот... эта!

— Ты моя фея-крестная! — обвиняюще ткнула я пальцем в спину так и не повернувшегося ко мне парня.

Если он хотел таким образом скрыть от меня свою ехидную улыбочку — зря. Я прекрасно видела её отражение в полированном кофейнике, стоявшем аккуратно напротив.

— Я уже говорил тебе, что мужчины феями-крестными не бывают. Не в нашем мире.

— Да? А я виновата, что у твоей матушки дочерей не было? Ты её единственный наследник, вот и мучайся! Другой крестной у меня нет! Сколько можно говорить об этом? Или ты нарочно всё подстроил?

— Что именно? — продолжая внимательно изучать глазами какой-то гроссбух, уточнил Толик, мой друг с детства и по совместительству временный опекун. — Разве тебе не сделали предложение руки и сердца? Тут твои собственные гены вступают в игру, и наследство матушки подвести никак не могло.

— Сделали, — зашипела разъяренной кошкой.

Тут вот какое дело... Мама моя была попаданкой. Во всех смыслах. И в неприятности попадала с завидной регулярностью, и в мой родной мир некогда именно «попала», свалившись отцу, как снег на голову. По закону жанра и всемирного попаданского тяготения, исчезнув из техногенного мира, матушка очутилась на пути настоящего принца, моего папочки. Прямо во время большой зачистки Жорлейского кладбища от нежити.

Дальше всё, как положено — неприязнь, потом неземная любовь и свадьба. К моему огромному счастью, папочка принц весьма условный. То есть кровь королевской династии в нем, а теперь и во мне, присутствует, но в столь малом количестве, что трон нам не светит никогда. И да — это счастье. Не перевариваю придворное лицемерие. Интриги, пакости — гадючье гнездо, одним словом. С другой стороны, из-за этой крови мне никто никогда не позволит банально работать.

— Тогда в чем проблема? — снова подал голос Толик, зараза ушастая. — Жених не понравился? Вроде бы вполне пристойный экземпляр и всем твоим запросам вполне соответствующий. Мало того, что принц, так еще и неглупый, симпатичный, веселый. Неужели не влюбился?

— Ты прекрасно знаешь, что не влюбиться он не мог! Ты же меня в его мир зашвырнул, а в попаданок всегда влюбляются!

— Вот и я не понимаю, с чего ты так вопишь?

Непоколебимое спокойствие старого друга на меня всегда действовало отрезвляюще. Вот и сейчас я почувствовала себя неуютно. Захотелось выдохнуть, досчитать до десяти и поговорить мирно. Увы! Если поддамся этому порыву, Толик меня заболтает и останусь ни с чем, а мне нужно, просто необходимо найти идеального мужа. И чем быстрее, тем лучше.

— С того, что предложение руки и сердца мне сделала его мама!

Расслышав приглушенный смешок, едва не разревелась.

— Вдовствующая королева сменила ориентацию?

— Фу! Какая пошлость, — брезгливо скривилась я. — Конечно нет. Она сделала предложение от имени своего сына.

— В таком случае повторюсь. В чем проблема?

— Ты дурак? Зачем мне муж, который даже в любви признаться самостоятельно не может? Да его маменька меня живьем сожрет! Она уже заказала тонну ткани, ниток и бисера.

— И?

— По её словам, мне полагалось сидеть взаперти и в промежутках между работой на благо государства вышивать, ткать и плести! Всё!

— Но ведь она достаточно прониклась уважением к тебе, чтобы подразумевать «работу на благо государства». Ты же хотела чего-то подобного.

— Я хотела работать! Быть полезной и чувствовать себя полноценным человеком!

— И?

— Её Величество считала моей единственной работой производство на свет наследников и участие в процессе зачатия оных!

Толик промолчал. И вот я бы рада поверить, что его плечи вздрагивают от рыданий над моей незавидной участью, но... эта сволочь банально ржала! Демоническое отродье! Эльфийский выкормыш! Фея-крестная, блин! Да-да, предки этого... ушастого покуролесили еще хлеще моих собственных, так что с кровью «повезло» не мне одной.

Обиженная реакцией друга на мою беду, я вздернула подбородок. На самом деле я обычно куда адекватнее, но сейчас... Сил никаких нет! Приходится строить из себя идиотку, тем самым подчеркивая матушкины гены попаданки. Только такие как она, оказываясь в чужом мире, непременно находят истинную любовь и счастье. Мои собственные родители, несмотря ни на что, до сих пор нежно любят друг друга.

Беда в другом — вот уже два года с приличным хвостиком, как они пропали. Видно, мама опять во что-то эдакое вляпалась, а отец помчался её выручать. Результат? Если в ближайшее время он не вернется, обоих высочайшим указом признают погибшими, а папенькино наследство, не кровное, а как раз в землях и прочем имуществе заключенное, отойдет троюродному дядьке по бабушкиной линии. Всё по закону. Не наследуют у нас женщины, видите ли! Гады!

И фиг бы с ним, наследством этим, но я иду с ним в комплекте. То есть меня выдадут замуж за какого-нибудь уродца. Почему «урода»? Да потому, что жениха будут выбирать исключительно из титулованных, ибо папенька, как уже говорила, принц, хоть и сто двадцать четвертый в очереди на престол. В то же время, мамины гены тоже не вода. Потому никто из путных дворян на мне не женится.

Вот и выходит, что даже при самом благоприятном раскладе, меня выдадут либо за какого-нибудь обедневшего мота или игрока, профукавшего наследство родственничков, либо за престарелого извращенца, польстившегося на смазливую морду лица, ладную фигурку и семнадцать лет отроду. Ну, и на деньги тоже. Куда ж без них?

Причем, вариант с извращенцем куда вероятнее, поскольку такие обычно ближе к трону и влияние имеют не приведи господи. Бежать мне некуда, ибо найдут. Работать и зарабатывать себе на жизнь самостоятельно особе королевских кровей тем более не позволят. Мое мнение и желание относительно кандидатуры будущего супруга никто спрашивать не будет. И что мне остается?

— Значит так, — шмыгнув носом, я подбоченилась и решительно потребовала: — Мне срочно нужно менять статус! Невинная дева с приданным — слишком большое искушение для всяких разных. Немедленно поднимайся и доставай свою палочку. Будем делать из меня

умудренную опытом женщину!

Толик поперхнулся.

— Вставай, вставай... — Я была безжалостна. — Поднимайся!

Пыхтя, как паровоз из маменькиного мира, я задрала юбку в попытке стянуть с себя опостылевший кринолин, благо Толик за годы знакомства меня и не в таком виде лицезрел. В смысле, матушка проповедовала здоровый пофигизм при своих. В летние знойные месяцы мы всегда уезжали отдыхать в горы или к морю. У папеньки немало домиков по стране разбросано. В глуши, вдали от двора и соседей с их дурацким этикетом, мы прекрасно отдыхали в шортах, купальниках и коротких платьях. А местные парились в бархате и парче! Бррр...

Только это в глуши, а в чужой монастырь со своими закидонами не лезут. Так что в данный момент я сражалась с придворным нарядом, соответствующим требованиям этикета мира моего несостоявшегося мужа. Металлические обручи мешали нормально ходить и даже сидеть с ними было жутко неудобно. Какое счастье, что у нас это безобразие давным-давно вышло из моды!

— Слушай, — зубами придерживая бархатный подол и безуспешно пытаюсь развязать лямки на талии, удерживающие кринолин. — Будь уже мужчиной! Прояви твердость, встань и помоги снять эту гадость!

— Ты... про какую «палочку»? — почему-то сдавленно протянул Толик сиплым голосом.

Вот всегда знала, что бумажная работа до добра не доводит. Аллергию на пыль заработал уже.

— Про твою! Чего мозги пудришь? Сам не знаешь, что ли? Вытаскивай свое безобразие на свет божий и выполняй свои прямые обязанности!

— Какие? — совсем странным тоном.

— Такие! У меня сроки горят. Еще чуть-чуть и завялятся какие-нибудь архаровцы с указом насчет моей персоны. А я не хочу... уф... — наконец, обручи осели на пол с глухим стуком. — Не хочу спать с противным уродом. Нет уж, если отдавать девичью честь со всем прилагающимся ливером, то хоть не кому попало.

Переступив через кринолин, я удовлетворенно вздохнула и глянула на Толика. Тот смотрел на меня квадратными глазами и тупил. Ну хоть из-за стола поднялся, и то хлеб! Проигнорировав неадекватное поведение друга, я повернулась к нему спиной и попросила:

— Расстегни. Мне самой не дотянуться.

Как назло, при дворе матушки Александра было принято носить не только кринолин, но и натуральный корсет из китового уса. Еще и затягивали его немилосердно. И ладно бы будь мне нужда затягивать талию! Она и без всяких корсетов вполне себе осиная, так нет же — ни вздохнуть как следует, ни согнуться. С непривычки живот и ребра жутко болели, и до слез хотелось стянуть с себя это пыточное приспособление.

Когда спустя пару минут платье сползло с плеч, едва не завизжала от счастья

— Теперь корсет! Быстрее!

Толик покорно принялся развязывать тесемки и расстегивать крючечки.

— Ох! Какое же это счастье! — чертов корсет полетел на пол, а я осталась в белой плотной сорочке на широких бретелях.

Пару раз пнув злосчастный пыточный предмет гардероба, с наслаждением вдохнула воздух полной грудью и от души потянулась. В чуть пыльноватом зеркале отразилась

приятной наружности блондинка, с высокой причёской. Пара завитых локонов спускалась вдоль шеи на приличных размеров грудь. Я стянула сзади ткань сорочки, так, что обозначилась талия.

— И вот чего они докопались со своим корсетом? — спросила у Толика. — Чего тут утягивать? Нормальная талия, ничуть не расплывшаяся. Ты как считаешь?

— У тебя... прекрасная фигура, — отозвался он.

— Вот-вот, и я о том же. Извращенцы какие-то! Женоненавистники...

Нет, я вовсе не страдаю самолюбованием, но фигура у меня объективно хорошая. Прекрасная — это уже перебор, если честно. Но Толик всегда отличался тактом и умением польстить, когда нужно.

Еще раз скептически обзрев своё отражение, удовлетворенно кивнула. Самое оно. Сорочка плотная, ничего не просвечивает. И длина как раз в тему — чуть ниже колена. И прилично, и форма икр видна. Вот только туфли слишком шикарные, выбиваются из общего образа. Да и каблук к тому же... Наклонившись, снова взялась за развязывание ленточек и лямок, на этот раз на туфельках.

— Всё, — скинув обувь, я выпрямилась. — Приступай! Я готова!

— К чему?

— Ты заболел? Чего всё время дурацкие вопросы задаешь? Говорю же, доставай волшебную палочку и отправляй меня к другому жениху. Помниться, в списке был какой-то вампирский принц.

— Князь, — сквозь зубы прошипел, поправляя, Толик.

— Ну, князь, — я обернулась. — Какая разница? Для попаданских генов одно и то же.

Почему-то моя фея-крестная выглядела раздосадованной. В серых глазах вспыхивали багряные искры, выдавая примесь демонической крови. Чуть заостренные уши (это уже от эльфийского прадеда) дергались. Вот волосы дыбом не стояли, но оно и понятно. Толик волосы стриг коротко, так что его темно-каштановый ежик дыбом ставить — пустое дело. И никакой волшебной палочки в сжатом до побелевших костяшек кулаке! Не порядок.

— Ты чего? — удивилась, вытаскивая из волос шпильки и позволяя локонам рассыпаться по плечам и спине.

Для вампиров видок самый подходящий. Сама невинность и незащитность. Должно сработать на ура.

— Кажется, — прошипел почему-то разозлившийся опекун, — в прошлый раз ты сама выбрала именно человеческого принца и сказала, что не намерена терпеть покушения на твою кровь от всяких клыкастых.

— Это было давно и неправда, — отмахнулась. — Лучше пусть муж выпьет пару глотков, чем деспотичная свекровь всю вылакает. Давай уже, отправляй меня к вампирам. Мне замуж надо.

— Дуся, прекращай чудить. Даже если король признает твоего отца погибшим, ты вполне можешь жить у меня.

— Сколько? Мне через три месяца восемнадцать стукнет и твоё опекунство, выбитое с таким трудом, будет неактуально. К тому же, я не хочу быть приживалкой. Отправляй меня к вампирам!

— Нет!

— Да! Снимай штаны!

— Обалдела?

— Ничуть! Раздевайся, говорю!

Нет, возмущение опекуна я прекрасно понимала. Какому нормальному мужику захочется натягивать мамино платье? Но, увы, волшебная палочка работала только в комплекте с женским нарядом.

— Видок дурацкий будет, но ради любимой сестренки можешь и потерпеть.

— Ты мне не сестра, а подопечная! — дернув ушами, прошипел он, закипая.

— И сестра тоже. Забыл? Мой папенька приходится твоему отцу сводным братом.

— Это исключительно на бумагах и в целях укрепления межгосударственных связей!

— Зато твоя мама троюродная сестра папиного покойного брата по матери совсем по-настоящему. Если ты меня сейчас же не отправишь к жениху, я сама себя отправлю!

— Куда?! С твоими способностями, можешь оказаться где угодно! У людоедов или на дне морском.

— Именно поэтому я и прошу помочь ТЕБЯ! Ну, То-о-олик, будь человеком, а?

— Черт с тобой, — сдался он и направился к сундуку, на дне которого было спрятано то самое платье. — Иди, переодевайся.

— Зачем? Я так.

— В смысле? — резко обернувшись, прищурился друг. — В сорочке на босу ногу?

— Естественно! Это же так мило и эротично. Озябшие ступни на холодном полу вампирского замка... Любой нормальный князь мгновенно возжелает согреть дыханием розовые пальчики и все такое.

— Но сорочка? Неужели нельзя хотя бы халат надеть?

— Кому сорочка, а кому и платье, — обиделась. — Так я выгляжу более беззащитной и хрупкой.

— Дуся, тебе не приходило в голову, что соваться к незнакомому мужику в нижнем белье не совсем разумно? Он же тебя изнасилует!

— Ха! С мамиными-то генами? Они не только мой крест, но и защита! В попаданок влю-бля-ют-ся!

— А если это произойдет после изнасилования?

— Неа, — я радостно оскалилась. — Помнишь ведь, твоя собственная матушка предрекла, что мне предназначено выйти замуж по любви. Причем будучи невинной. Вот! А она никогда не ошибалась в таких вещах.

— Угу. Это у неё от прабабки. Та эльфийской предсказательницей была.

— Вот-вот! Так что сначала свадьба, а уж все остальное потом. Отправляй. Буду вампирского князя поражать сногшибательным эротизмом и хрупкостью. Алё, ты чего рычишь и паром исходишь? Чайников в твоём роду точно не было!

— Как сказать, — буркнул себе под нос Толик и встряхнул платье. — Ты невыносима, знаешь?

— Еще бы! Мамины гены не пропьешь! — с довольной улыбкой кивнула я.

Спустя полчаса я благополучно переместилась в настоящий вампирский замок. Что именно вампирский сомнений не вызывало.

Узкие щели стрельчатых окон, больше напоминающих бойницы, были украшены витражами из настолько темного стекла, что едва ли пропускали дневной свет. С высоких потолков наряду с гобеленами спускались километры седой паутины. К моему вящему удовлетворению затхлостью ничуть не пахло, а от края до края пол небольшого со вкусом

обставленного кабинета устилал бордовый ковер.

Да, вот тут я просчиталась. Озябнуть ступням судьба не позволила. Зато, если у жениха есть средства на такой огромный ковер, голодать моим детям точно не придется. И не надо мне про корысть! Да, я хочу своим потомком не только здоровья и счастья, но и достатка.

— А ничего так, миленько, — прокомментировала дизайн помещения и опустила взгляд на вампирского князя, на которого в буквальном смысле свалилась с потолка.

— Благодарю, — вежливо отозвался мужчина, лежащий навзничь на уже упомянутом выше ковре. Закинув руки за голову он скептически приподнял изящно изогнутую черную, как смоль, бровь: — Весьма польщен высокой оценкой вкуса моих предков. Не будете ли вы так любезны, сообщить свое имя?

Я сидела на его животе, поджав ноги и для пущего эффекта обнимала себя руками за плечи. К моему удовольствию, жених оказался весьма крепким мужчиной и, получив девушкой по макушке, не особенно пострадал. Даже поймал меня на руки, только устоять на ногах не смог и плашмя брякнулся на пол.

— Дульсинея, — ответила, улыбаясь с наносной робостью. — Можно Люси, если вам так удобнее. Кстати, вам не тяжело?

— Константин. И мне абсолютно не тяжело. Вы почти ничего не весите. Но осознаете ли вы, куда попали и с кем имеете честь разговаривать?

— Отчасти, — я осторожно спустила ноги на ковер, оценивая пальчиками густоту и глубину ворса.

Если откровенно, говорить вот так, опуская все требования этикета и воспитания полученного при дворе, было очень сложно. Так и подмывало выдать что-нибудь изысканное и витиеватое, показанное приличной девушке моих кровей в подобном случае.

Увы! Здесь я в роли попаданки, а им говорить согласно этикету и правилам приличия нельзя. Это противоречит законам жанра. Тем более, я попаданка лишь на половину, по маме, и любая мелочь может стать роковой. Вдруг, магия сработает как-то не так, и вампирский принц в меня не влюбится? Нет уж! Придется терпеть и вести себя соответственно.

— Вас не смущает, что я вампир? — любопытно спросила жертва моих матримониальных планов, демонстрируя белоснежные клыки.

Я внимательно посмотрела на узкое лицо с высокими скулами. На длинный тонкий нос, чуть ярковатые узкие губы. Заглянула в кроваво-красные глаза и... невинно похлопала ресничками.

— А меня это должно именно смущать? — переползая с живота мужчины на ковер, пробормотала чуть более нервно, чем хотелось бы, и встала. Тряхнув волосами так, что с правой стороны шея обнажилась, посмотрела на лежащего у моих ног мужчину. — Костик, я девушка невинная, не слишком разбираюсь в подобных вопросах.

— Видите ли, — плавным движением переходя из горизонтального положения в вертикальное, протянул он, — обычно невинные девы как раз смущаются, хотя испытывать страх, находясь наедине с вампиром в закрытом помещении, было бы куда логичнее.

— Ну, я ведь попаданка, — пожалала плечами. — Причем потомственная, по маме. Употреблять меня в качестве пищи вы точно не станете. Это дурной тон.

— То есть, — Князь оказался совсем близко как-то чересчур стремительно. Я даже не заметила его перемещения! Зато руку, скользнувшую на мою талию, очень даже заметила! И пальцы другой руки, чувственно-медлительно поглаживающие шею, тоже. — По

непреложным, но тем лишь более незыблемым законам, я должен страстно влюбиться в вас, Люси?

— Эм... ну, да.

— Безумно? — шепнул вкрадчиво и обнял крепче, прижал к себе тесно-тесно, приблизив лицо к моему и почти касаясь губами губ.

Шелк его камзола и брюк прильнул к неприкрытой короткой сорочкой коже. Волнительно, кстати, хотя и неприлично. Блин, опять я не о том думаю! Надо по-другому...

— Естественно! — вспомнив о правилах, я прерывисто вздохнула, как бы испуганно, и чуть прогнулась назад, тем самым демонстрируя шею и наличие груди.

— Страстно? — снова прошептал он, кончиками пальцев обрисовывая линию позвоночника сквозь ткань сорочки.

— Н-наверное...

И вампир рывком поднял меня, в мгновение оказавшись подле стола, на который и усадил, прижимая бедрами ноги к краю столешницы и не позволяя увернуться. Неожиданно отовсюду полилась органная музыка. Ох, он еще и с магией на короткой ноге! Это хорошо. Для потомков. А меня пробрал озноб. Особенно когда князь потянул за волосы, вынуждая запрокинуть голову, и коснулся горла клыками.

Если бы не попаданские гены, я бы уже тряслась от ужаса и вырывалась, но уж если решила выходить замуж именно так... Подавив возмущение и желание оттолкнуть малознакомого кровососа, сглотнула и прикрыла глаза. Убить не убьет, а замужество требует жертв! Ради идеального супруга можно и с парой глотков крови расстаться. И тут, скользнув губами по шее вверх, князь выдохнул:

— Нежно...

И поцеловал.

И вправду нежно, даже клыки убрал. Вот что значит наследственность! Обвивая его шею руками, я ответила на поцелуй. Немножко неумело, правда, поскольку практики в этом деле у меня было маловато. К слову, Костика моя неопытность ничуть не смутила. Едва оторвавшись от губ, он сконцентрировал внимание на шее, спускаясь все ниже и ниже, одновременно одной рукой поглаживая по спине.

— А ты ничего не забыл? — сдавленно из-за неудобного положения и ситуации в целом прошептала я, зарываясь пальцами в густые черные волосы князя.

— Ммм... — не прерывая своего занятия, отозвался.

Покрывая поцелуями верхнюю часть груди, он чуть отодвинулся и закинул мою ногу себе на талию.

— Я должен любить тебя безумно... — Его ладонь плавно скользнула от щиколотки вверх, погладила колено и поползла выше, задирая и без того сбившуюся ткань сорочки. — Страстно... — Язык быстрым, чуть вороватым движением скользнул в ложбинку между грудей. — И нежно... — Пальцы проникли под кружевную оборку моих относительно длинных панталон, поглаживая бедро. — Кажется, так. Или так?

Сдернув со стола, он уронил меня на густой ворс ковра и навис сверху.

Шелковая ткань его брюк холодила разгоряченную кожу. Сильные пальцы левой руки стискивали бедро. Правая, согнутая в локте, удерживала вампира на весу. Алые глаза масляно блестели, а органная музыка с каждым моим прерывистым вздохом заполняла легкие. Багровый зрачок бешено пульсировал... Снежным цветом сверкнули выдвинувшиеся клыки... Вампир приблизил свое лицо, гипнотизируя взглядом, опаляя дыханием и...

— Всё правильно, — нервно облизнув губы, пискнула заворуженно. — Любить безумно, страстно и нежно...

В следующее мгновение князь молниеносным движением сорвал с себя сюртук, оставшись в одной рубашке. Как это у него получилось так быстро? Одной-то рукой... Тренировался, что ли? Но спрашивать об этом я не стала, торопливо выпалив:

— Но только после свадьбы!

Сказать, что вампир такой подлянки не ожидал — не сказать ничего. Для начала он как-то странно закашлялся, а после замер бессмысленно таращась на меня алыми глазами. Уж не знаю, показалось мне или нет, но почудилось — даже багровый зрачок перестал пульсировать. Но точно не скажу, все же в комнате было темновато, да и Костик банально перекрывал доступ свету.

— На попаданках женятся, — напомнила еще раз.

Прошло, наверное, минуты полторы, прежде чем я не выдержала и озадаченно постучала жениха пальцем по лбу.

— Ау? Кровопивец мой, миловидной блондинкой на всю голову ошастливленный, ты часом не заснул? Если да, то просыпайся. В качестве одеялка ты узковат и тяжелый слишком. Тебе еще мне комнатку выделять, постель, шелковое белье и все такое...

Жених нервно моргнул, его кадык судорожно дернулся, но больше Костик никаких действий не предпринял. Непорядок!

— Я так и буду до самой свадьбы на ковре валяться, тобою придавленная? А ужин? Свечи? Цветы, в конце концов! И потом... это нормально, когда мужчина на самом интересном месте в глазастое бревно превращается? Ты не подумай, я действительно не в курсе. Вдруг, так оно и должно быть?

Никакой реакции. Только глаза напротив стали еще больше.

Чуть поерзав, попыталась сдвинуть окаменевшего вампирюгу. И почему каменеть он именно на мне вздумал? Вот ведь незадача...

Увы, эта клыкастая грелка для нежных ручек хрупкой невинной ромашки оказалась тяжеловата — даже не шелохнулась. Нет, на случай большой нужды у меня были еще мамины советы. Не велика хитрость — садануть коленкой куда надо или, если коленкой никак, рукой хватануть, сжать и повернуть по часовой стрелке. Или против. Какая разница? Сам бы слетел с меня, как миленький!

На практике я это метод не проверяла, но мама, при всех недостатках её «попаданской» природы, человек весьма практичный. И вот если она сказала, что метод действенный, значит так оно и есть, и баста, карапузики! Вот только лишать репродуктивной функции особь мужского пола, намеченную себе в мужья не хотелось. Нет уж! Я детей хочу. Не сейчас, лет через пять-десять, но всё-таки. Придется договариваться без маминых рекомендаций.

Нервно облизнув пересохшие губы, я тяжело вздохнула. С другой стороны, а чем я так не довольна? Лежу себе на мягком. Вампирюга ведет себя тихо, даже не дергается. Чем- не отдых? А кстати... Тут я вспомнила о важном.

— Милый, — пропела, по возможности обворужительно улыбаясь, — Ответь-ка мне на один вопросик... И, учти, от чистоты и правдивости ответа будет зависеть твоя судьба! Если он мне не понравится, я за тебя замуж не выйду, хоть убейся.

И, о чудо — взгляд князя обрел осмысленность! Он рывком встал. Дернув меня за руку, поднял на ноги и, пока я радовалась вновь обретенной способности к прямостоянию, поднял

отброшенный в пылу страсти камзол. Надел. Наизнанку почему-то, но не суть.

— Спрашивай, — сложив на груди руки, разрешил.

Надо же, как быстро моя наследственность себя проявила! Вон, еще и часа не знакомы, а жених от перспективы меня потерять побелел весь. Для вампира это особенно сложно, они ж и так бледные, а это прямо осветлился до снежной белизны. Вот, что любовь с людьми... то есть с кровососами делает!

— Сейчас, только кактус найду, — улыбнулась и принялась шарить по углам. — Должен быть где-то здесь...

— Кактус?

Костик стоял, не делая и попытки помочь в поисках, и только поворачивал вслед за мной голову туда-сюда.

— Ага, — заглядывая под секретер, откликнулась. — Понимаешь, моя фея-крестная по папе наполовину демон. Плюс еще эльфы на генах потоптались и оборотни, но последние уже совсем давно. У Толика даже ипостаси нет...

— Что за Толик и при чем-тут кактус?

— Какой ты непонятливый! — всплеснув руками, я развернулась и попросила: — подсади меня во-он на тот шкафчик. Мне самой не забраться.

Князь растерянно пожал плечами и подсадил. В процессе, правда, он попу облапал, но это ничего. Все равно ведь поженимся.

— Толик мой старый друг, опекун и по совместительству крестная-фея. Вернее, моей феей крестной была его мама, но она десять лет назад умерла, а сын — её единственный наследник.

— Впервые слышу про мужчину в такой роли. Он ведь мужчина? — донеслось до меня несколько скептическое снизу.

— Еще какой! Всем мужчинам мужчина, — уверила. — Знаешь, сколько раз он меня выручал?

— А что же он сам на тебе не женится?

— Дурак, что ли? У него папа из высших демонов, но не у нас, в другом мире. Они не общаются.

— И какая связь?

Шкаф оказался глубоким и пришлось ползать по нему, разыскивая свой колючий билет домой наощупь. Впотьмах и в толстом слое пыли! Но, как ни крути, оно того стоило.

Во-первых, мне нужен идеальный муж, а тут еще посмотреть надо. Александр мне тоже сначала казался вполне подходящим кандидатом в любящие супруги, а потом еле ноги унесла. С Костиком наверняка всё будет иначе, но мало ли?

— Так ведь, когда мама Толика умерла, его моя матушка к себе забрала. Ему тогда лет пятнадцать было. Так что он мне почти как брат.

— Почти не считается! — почему-то очень уж эмоционально заявил вампир и натурально зарычал.

— Еще как считается... — фыркнула. — К тому же это в чужом мире я попаданка, в которую хочешь-не хочешь, а влюбишься, а дома я обыкновенная девушка, да еще и капельку принцесса. Нет, Толику никто не позволит на мне жениться. Без титула, да еще и с его наследственностью...

И тут рука наткнулась на иголку. Жалобно пискнув, я всё же выцепила из пылюки растение и выдохнула с облегчением. Как ни крути, страховка в таком рискованном деле,

как охота на мужа еще никому не мешала. Сжимая горшочек в руке, подползла к краю шкафчика. Мдя... высокогато, если честно.

— А как же его отец? — запрокинув ко мне заинтересованно-бледное лицо с лихорадочно горящими глазами, спросил. — Если высший, значит с титулом?

— Ага, но не из приближенных к трону. Это совсем не то. Плюс родители Толика так и не поженились. У нас положение демонического папеньки и вовсе не в счет, но и встретиться мы в ином мире, не поможет. Попаданкам полагается замуж исключительно за принцев, князей или, на худой конец, глав кланов выходить. Еще за боевых магов можно и некромантов, но и тут мы с ним в пролете.

Я села на кромку шкафа и поболтала ногами, склонив голову к плечу. А и вправду ничего так, жених попался. Высокий, стройный, изящный и загадочный. Романтическая бледность, алые глаза, сверкающие от страсти.

— Лови! — Крикнула и, раскинув руки, птичкой полетела навстречу будущему мужу. — Поймал?

— Ммм... — донеслось невнятное снизу.

— Вот и ладошки...

Я поднялась на ноги и посмотрела на в очередной раз павшего к моим стопам мужчину. Всё-таки в роли попаданки я сногсшибательна! Сама себя боюсь.

— А кактус, к слову, это дань смешанной наследственности. Волшебство феи-крестной всегда ограничено по времени и завязано на предметах. Тыквы там, туфли, платья. Овощи мне ни к чему, обуви своей хватает, а одежда вообще не его конек. Он ничего в моде не понимает. Что ни надень, всё ему «нормально». Достал. Ты идешь, вообще?

Я остановилась у двери и вскинула бровь, глядя на сидящего на коврикe собеседника. Он с мрачным видом смотрел в пол, потирая затылок.

— И всё равно не понимаю, при чем тут кактус.

— Бли-и-ин... Сколько же тебе объяснять-то? Нужен был предмет для привязки фее-крестнической магии. Растение получилось, потому что у Толика эльфийские предки имеются, а колючее из-за демонической крови. Чего тут непонятного? Показывай уже мою комнату. Мне бы освежиться перед романтическим ужином.

— Ужином?

— Ага. Предсвадебным. Или ты предложение будешь делать в коридоре? Да и не одета я для этого. Надеюсь, подходящее платье найдешь?

— Найду, — буркнул. — Но ты про какой-то вопрос говорила. В смысле, если я неправильно отвечу, бросишь меня не доходя до алтаря.

— Ах да, точно! — едва не хлопнув себя по лбу рукой с кактусом, спохватилась. — Я прошлого жениха послала куда подальше, потому что у него была совершенно жуткая мамочка. Я тебе больше скажу, она собиралась меня заставить... — вспомнив о разговоре с несостоявшейся свекровью, я вздрогнула и скривилась: — Работать на благо государства. Никакой свободы и максимум... — снова вздрогнула — весьма специфических «обязанностей».

— Ох, Люси, — расстроено, но немного фальшиво протянул князь. — Мне очень жаль! Это такое горе для меня, но... Не могу я тебе лгать!

Я нахмурилась.

— Что не так?

— Всё! Ты теперь меня точно бросишь, но... нет у меня матери. Сирота я уже лет как

триста. И дел в клане много, сам не справляюсь. Княгине придется ох как не легко. Соседи у нас непростые. Люди от рук отбились. Эльфы за вино такие деньги дерут — зла не хватает, а гномы...

— Вот и прекрасно! — Обрадовалась я. — Как раз то, что нужно! Значит, скучно мне не будет. Всё, провожай меня и беги платье искать, кольца и всякое такое. Готовься к свадьбе и даже не переживай. За ужином я непременно скажу тебе «да»!

Бледный свет ночного светила заливал крохотную площадку на вершине высокой башни вампирского замка. Первые две луны уже скрылись за ломаной линией горной гряды. Третья называлась Луей и символизировала упорство в достижении цели. Бледно-голубая Луя век за веком плыла по ночному небосводу аккуратно против движения товарок. Самая маленькая из трех, но такая упрямая, непокорная...

Вот уже четверть часа Князь молча наблюдал за её медленным полетом. Порывистый, пахнувший скорой весной ветер развеивал полы длинного камзола, трепал пряди угольно-черных волос. Жениться вампиру совсем не хотелось, но Люси ведь тоже такая, как и Луя — маленькая и упрямая. И её путь так же предопределен. Попаданка, чтоб её... И никуда от этого не деться, не спрятаться.

Ни сбежать, ни избавиться от свалившейся на его голову из ниоткуда невесты не выйдет. Судьба настоит на своем, как ни старайся её переспорить, а сопротивление лишь усугубит ситуацию, сделает зарождающееся чувство сильнее. Так можно совсем потерять себя, ради любви к хрупкой девчонке отказаться от положения, здравого смысла — от всего, включая собственные убеждения, принципы, привычки...

Вот и сейчас, несмотря на некоторое раздражение, откровенное нежелание связывать себя брачными узами и нахрапистость Дульсины, Константин чувствовал, как прорастает под сердцем непреодолимое желание быть рядом с блондинистой девчонкой. Очаровательной, невыносимой и затрагивающей скрытые струны души. Тех, о которых он еще недавно даже не подозревал. Сам воздух, казалось, приобрел незнакомый острый привкус и сердце билось чаще...

Уже хотелось прижимать к себе податливое юное тело, тонуть в мерцании широко распахнутых зеленых глаз, чувствовать, как Люси вздрагивает от его прикосновений. Согреть дыханием розовые пальчики, зажечь кровь под маняще-тонкой кожей, почувствовать её на вкус... Услышать стоны страсти, срывающиеся с по-девичьи нежных губ... Сделать Люси своей во всех смыслах и раствориться в ней самому...

Бред!

Князь досадливо скривился.

Да, полный бред, но от судьбы не уйдешь. Пока еще эмоции слабы, осознание грядущих проблем заботит куда больше, но пройдет лишь несколько дней и всё станет иначе. И не будет желания придушить проблемную девчонку, швырнуть её, такую хрупкую и беззащитную, с этой самой башни вниз на острые камни. И уже он сам станет грезить о свадьбе, после которой можно будет сжать попаданку в объятиях, погрузиться в нее, чтобы пить даже не кровь — стоны удовольствия... Так стоит ли противиться неизбежному?

Бросив последний взгляд на небо, мужчина тяжело вздохнул и направился в замок, отдавать распоряжения насчет грядущего торжества. А маленькая бледно-голубая луна безмолвно плыла по бархатному покрывалу ночи...

Ну что сказать? Комнату Костик мне выделил вполне приличную. Не идеально, но сойдет для сельской местности. Для вампирского замка то есть. Стены каменные, зато камин большой. Мрачноватенько, но кровать богатая, да и застелена бельем из натурального шелка. По секрету, я предпочитаю лен и хлопок, но тут ничего не попишешь. По правилам шелк и только шелк. Я ж не у оборотней каких-нибудь.

Вот с окнами напряженка. Они есть, но совсем узкие, да еще и стекло толстое, черносинее. Зачем вообще вампиры в своих замках окна делают? Чтобы охотникам на кровососов было что распахивать, впуская солнечный свет? Глупо. Хотя, наверное, это для вентиляции или еще чего-нибудь эдакого. Или тоже — по неписанным законам жанра.

Ладно, нечего капризничать. Все очень даже хорошо. И ванну мне обеспечили, и платье тоже принесли. Белое, естественно шелковое и очень миленькое. Вампиры любят черный? Именно, но только для самих себя. С невинными девами включается инстинкт охотника, а жертву в темноте проще найти, когда она в белом. Ну и символично это. Чистота и невинность в дар мраку.

Воткнув в прическу последнюю шпильку, я глянула в зеркало. Отражение улыбнулось неуверенной улыбкой. Всё-таки мне сложновато. Приходится постоянно контролировать себя, чтобы случайно не включить мозги. Увы, это тоже необходимость. Это мама попаданка на все сто процентов, да еще из техногенного мира, а у меня воспитание, манеры и осанка урожденной, хоть и не наследной, принцессы.

Тяжело вздохнув, я присела в изящном реверансе. Отражение серьезно и чуть-чуть грустно посмотрело из-под ресниц, обрамляющих красивые зеленые глаза, оттенка бутылочного стекла.

— Устала? — спросила сама себя. — Ничего, скоро всё закончится.

Это с Александром я затянула, играла по его правилам, потому и получилось так неловко. Забылась, и вот результат. Чтобы по-настоящему удачно выйти замуж, нужно откинуть все лишнее, целиком и полностью довериться маминым генам. У попаданок не бывает властных свекровей, жаждущих запереть невестку в золотой клетке. И, что еще более важно, способных воплотить свое желание в жизнь.

Тряхнув головой, я решительно отодвинула здравый смысл и сомнения в сторонку. Старательно упихала в самый дальний уголок сознания, еще и утрамбовала пяткой для надежности. Улыбка мгновенно изменилась. Уже не печальная — озорная. И взгляд зеленых глаз вспыхнул лукавыми искорками.

Вот, так намного лучше. Вампирюга, готовься! Сейчас ка-ак догоню! И никуда не денешься — влюбишься и женишься. Как там мамочка говаривала? Закон жанра, вот! И не расслабляться! Долго я в режиме попаданки не протяну, значит включаем форсаж и вперед — убивать непосредственностью и поражать в самое сердце невинностью помыслов. А то опять расслабилась. Нет уж, этого жениха я лишними мыслями не испорчу. Не поддайся в прошлый раз папенькиному воспитанию, всё вышло бы иначе. Надо было не реверансы королеве-матери делать, а супницу ей на голову надеть или на балу канкан на столе сплясать...

Тьфу! Всё-всё... больше не буду думать. Мозги, помашите хозяйке платочком на прощанье. Может статься, когда-нибудь и свидимся...

Набрав в легкие побольше воздуха с ароматом лаванды и сандаловых дров, жарко полыхающих в камине, повела плечами.

— Мой любимый не чудак, он реальный вампиряк! — запела громко, притопывая в такт

придуманной мелодии. — Буду глупости творить. Будет он меня люби-и-и-ить!

Крутанулась вокруг своей оси, отчего пышная юбка сначала взлетела в воздух, а после обмоталась вокруг ног. Тщательно уложенные волосы растрепались. Пара прядей выбилась из прически, но поправлять их я не стала. Не при дворе.

Ну где же Кос... Ах, вот и он.

Заслышав стук в дверь, я подмигнула отражению и вприпрыжку помчалась к жениху.

— А вот и ты! — воскликнула радостно, едва князь появился на пороге. — Лови!

И, подобрав подол, с визгом прыгнула на вампира. Тот подхватил, едва не выронив букет черных хризантем, перевитых по стеблям алой лентой.

— Скучал?

— Угу...

Князь на ногах устоял, но осторожно опустил меня на пол.

— Я хотел пригласить тебя прогуляться перед ужином по замку, — смущенно выдавил, протягивая цветы. — У нас чудесная картинная галерея.

Улыбаясь во все тридцать два зуба, я подпрыгнула и захлопала в ладоши. Закружилась, демонстрируя изящные щиколотки и стройные ножки.

— Да! Портреты! — чуть не выронив цветы, звонко рассмеялась. — Сейчас, только букет в комнату занесу. Там кувшин с водой есть.

Спустя пару секунд, опять вылетая из спальни навстречу жениху, я по-настоящему радовалась. Портреты родственников — это прекрасно! И в лицо всех буду знать и указывать мне никто из них не сможет.

— Ты волшебно выглядишь, Люси, — с печалью в голосе почему-то проговорил князь. — Очаровательно.

— Тебе правда нравится платье? — переплетая его пальцы со своими кокетливо похлопала ресничками.

— Не платье, — возразил он. — Ты.

— И ты тоже ничего, — хихикнула. — Пошли аппетит нагуливать!

И мы пошли, а я покосилась на идущего рядом вампира. Кажется, мне наконец-то повезло. А все же нашла своего идеального мужчину. Высокий, красивый, воспитанный и утонченный. Ах да, и главное — свекровь в виде бессловесной картины! О чем еще мечтать?

И в тот момент я абсолютно точно знала, что свое «да» во время ужина скажу с легким сердцем. Когда же через два часа ворвалась в спальню, дверь, как было совсем недавно, с жутким грохотом врезалась в косяк.

На изящный столик возле камина с потолка, то ли с перепугу, то ли снесенный порывом ветра, упал огромный паук и уставился на меня россыпью маленьких блестящих глазок. Я бы завизжала, но боюсь, паук размером с кулак — далеко не самое страшное, что предстало перед моими глазами в этот вечер. Или день? Я без понятия, ибо в замке темно и днем, и ночью, а сквозь затемненные стекла, к тому же занавешенные тяжелой парчой, ни шиша не видно.

Я молча пересекла комнату, схватила спасительный кактус и запустила его в стену. Серо-черные камни обратились клубами розового дыма.

— Что опять не так? — послышалось ехидное, едва плюхнулась на знакомый диван в кабинете отца.

Нет, это он раньше принадлежал отцу, а сейчас здесь обретался мой крестный фей.

— Халтурщик! — взвыла. — Ты кого мне подсунул?

— В каком смысле? — Толик сосредоточенно рылся в недрах старинного секретера. — Да где же этот договор? Куда я его дел... Ах, вот он...

Вытянув из секретного ящичка пачку плотных желтоватых листов этот гад направился к столу и... просто сел! Причем спиной ко мне и мордой к бумагам!

— Бракодел! — подобрал юбку, снова кинулась к нему.

— Да-да... — рассеянно буркнул, не отрываясь от чтения. — Именно брак я тебе и обеспечиваю. Всё для тебя, малышка...

— Не называй меня малышкой! Я уже давно выросла!

Я заметалась по комнате, не понимая, как и куда спустить пар, от которого перед глазами плыли алые пятна.

— Ох, как же я зла!

— Чем тебе Князь не угодил? Или опять свекровь не приглянулась?

— Что ты! Я буквально влюбилась в матушку моего клыкастого суженного! — Обогнув стол, встала напротив этого ушастого издевателя и, уперевшись руками прямо в стопку каких-то отчетов, зашипела разъяренной кошкой: — Пока не осознала, что эта прекрасная женщина почилла с миром слишком рано! Да брось ты эту ерунду!

Я потянула за договор, намереваясь выдернуть его из рук Толика и порвать в мелкие клочья. И мне уже всё равно, что там! Увы, старый друг вцепился в бумажку, как в последнее счастье этой жизни.

— Дуся, успокойся ради всего святого! Чего ты взбеленилась?

— Взбеленилась? — зашипела и даже для самой себя неожиданно закричала: — Взбеленилась?! Да я еле ноги сделать успела! Уже кольцо на столе лежало! Да сделай он предложение до еды, я бы уже была помолвлена!

Вот теперь Толик занервничал. Нахмурившись, вырвал договор из моих рук и небрежно отбросил к прочим бумажкам. Потом встал, подошел ко мне и осторожно приподнял лицо за подбородок, заглянул в полные слез глаза.

— Хочешь сказать, он попытался за ужином употребить... тебя?

— Если бы! — я всхлипнула.

— То есть? — еще больше посмурнел мой опекун.

— Употребить он меня собирался часа за два до ужина.

Толик скрипнул зубами.

— И?

— Я про свадьбу напомнила, и мы это дело отложили ненадолго.

Мне показалось или он выдохнул с облегчением? Теперь помрачнела уже я.

— Ты не представляешь, что случилось на предсвадебным ужине!

— Так расскажи.

Вспомнила увиденное и содрогнулась. До сих пор поверить не могу! Спрятав лицо на широкой груди фея-крестного, даже всхлипнула пару раз.

— Это всё твоя наследственность виновата, — шмыгнув носом, пробормотала и обняла мужчину за талию. — Из-за неё постоянно мне бракованных женихов подсовываешь.

— Заметь, это ты настаиваешь на использовании именно этих моих способностей. Может хватит уже рисковать.

— У меня выбора другого нет, и ты прекрасно это знаешь!

— Выбор есть всегда. Через несколько месяцев тебе исполнится восемнадцать...

— Уже, — мрачно оборвала его я. — И документы ты самолично подделывал, чтобы

выиграть время.

— И мы его выиграли. В любом случае, по документам у нас еще есть несколько месяцев. Может быть, твой отец успеет вернуться до того, как мои права на опеку потеряют законную силу.

— А если нет? Вопрос о моём наследстве уже решается и, поверь, в день моего совершеннолетия нарочный король будет стоять перед нами, как штык. Тогда уже будет поздно что-то менять.

Толик помолчал, рассеянно глядя меня по волосам. А что он мог сказать? Я была кругом и полностью права, и он это понимал не хуже меня самой. Снова шмыгнув носом, закрыла глаза. Стоять бы вот так долго-долго и ни о чем не думать. И не надо мне больше совсем ничего, ни наследства, ни мужа. Разве что убедиться, что родители живы и здоровы, а остальное... ерунда.

— Дусь... — каким-то странным тоном позвал Толик.

— А?

Говорить не хотелось.

— Если ты согласна... — он замялся и закончил совсем тихо: — как только опека будет аннулирована, я сам могу на тебе жениться.

Сердце пропустило удар, а в следующую секунду я оттолкнула этого идиота:

— Только попробуй! Да за кого ты меня принимаешь? Я скорее утоплюсь, чем за тебя выйду! Жениться он на мне надумал, псих остроухий! Ни за что! Отправляй меня к следующему жениху! Кто там у нас остался? Оборотень, боевой маг королевских кровей, темный властелин?

— Ты еще эльфийского принца позабыла, — сквозь зубы вполне натурально зашипел Толик и подался было ко мне, но я отпрыгнула, оставив между нами заваленное бумагами поле стола.

— На эльфе сам женись! Я их терпеть не могу!

— Хор-р-рошо... — прищурившись, зло прорычал этот... этот... идиот! — Значит, будет оборотень.

— Прекрасно! Отправляй!

— Нет, — мой фей в два шага пересек комнату и остановился возле окна. — Сегодня уже поздно. Тебе надо выспаться. Завтра утром.

— Как скажешь, — деланно весело отозвалась я и беззвучно вздохнула, глядя в спину... опекуну.

Так и подмывало подойти, прижаться щекой к его лопатке и сказать что-нибудь успокоительное. Или просто молча обнять, положить подбородок ему на плечо и долго-долго смотреть в окно, чувствуя, как совсем рядом бьется его сердце. Вот только... даже думать об этом нельзя, не то что делать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

До боли сжав кулаки, я заставила себя улыбнуться и направилась к выходу.

— Я к себе. До завтра.

Но уже у двери меня остановил его голос:

— И всё-таки, чем конкретно тебе не угодил вампир? Ты упомянула преждевременную кончину его матушки, кстати. Её призрак решил составить вам компанию за ужином?

— Хуже, — призналась. — Лучше бы призрак и вправду присутствовал. Авось, и вразумил бы свое дитяtko.

— А поподробнее?

— Хм... Поподробнее... Ну, представь себе полумрак малого зала для приемов. Изысканные блюда на кружевной скатерти. Ароматы жаркого. Фрукты. Свечи в канделябрах. Отблески пламени разожженного камина отражаются в высоких бокалах с красным вином. Фарфор, цветы в напольных вазах. Органная музыка опять же...

— Звучит очень неплохо, — когда взятая мной пауза чуть затянулась, заметил фей. — Неужели Князь подкачал? Лицом не вышел или фигурой?

— Ни то, ни другое. И фигура замечательная, и на морду лица вполне себе ничего. Костик мне даже нравился, пока...

— Ну? — поторопил.

— Пока есть не начал! — я всхлипнула и вспылила: — Ты бы слышал, как он чавкал! Да у нас так прислуга не жрет, а тут целый вампир. Символ утонченности и аристократизма, чтоб его! Да он, пока ложку до рта донес, всю скатерть закапал соусом! Убожество клыкастое!

И я в сердцах хлопнула дверью. Если так и дальше пойдет, все косяки менять придется. Я дошла до своей комнаты и, несмотря на то, что совсем недавно принимала ванну в замке Константина, помылась. Благо, у нас для этого нет нужды созывать слуг и заставляя их бегать с ведрами. Магия решает многие вопросы.

Значительно позже, одетая в длинную сорочку из дорогой ткани, но заметно потертую и ставшую от многочисленных стирок мягкой и уютной, я нырнула под одеяло. Кровать привычно приняла мой вес. Наконец-то собственная постель! За годы совместного существования она привыкла ко мне не меньше, чем я к ней, настолько ласковым и осторожным казались её объятья. Увы, даже это не помогло, как не помогла и накопившаяся за последние сутки усталость. Сон не шел.

В голову лезли всякие глупости и отмахнуться от них никак не получалось. «Как только опека будет аннулирована, я сам могу на тебе жениться...» — словно наяву, раз за разом слышала тихий голос любимого... друга. Да, именно друга и только так! Еще опекуна, почти брата, по-настоящему дорогого и близкого человека, пусть даже человеческой крови в нем было кот наплакал. Иное отношение с моей стороны было бы верхом неблагодарности и малодушия. Я слишком дорожу им, чтобы позволить... любить как-то иначе, чем просто как друга и брата.

Со стоном перевернувшись на живот, я обхватила подушку обеими руками. «Как только опека будет аннулирована, я сам могу на тебе жениться...» Идиот! Додумался же предложить такое... гадство! И все же... «я сам могу на тебе жениться...»

Всё! Шмыгнув носом, я судорожно всхлипнула и стремительно откинула одеяло. Так дело не пойдет! Спрыгнув с кровати, сорвала с вешалки теплый халат и, запахнув его, с неуместной для такого простого действия злобной решимостью, затянула пояс. Руки почему-то дрожали.

Хотелось устроить скандал, высказать ушастому провокатору всё, что думаю относительно его в высшей мере безрассудного предложения, но... Сейчас мне категорически противопоказано даже думать о нем, не то что видеть и разговаривать. Я метнулась к умывальнику, плеснула в лицо холодной, почти ледяной воды.

Так, если не получается просто абстрагироваться от недопустимых мыслей, нужно переключиться на нечто более насущное и животрепещущее. Завтра мне предстоит еще одна попытка устроить свою жизнь. И да, жизнь Толика тоже. В завещании отца он шел сразу за

мною. Умирать я не собиралась, конечно, а вот пропасть без вести вполне можно. В нашем случае мой брак с иномирцем по закону будет равнозначен смерти, и тогда...

Ладно, не о том. В длинном списке потенциальных супругов, который я самолично составила после длительных и весьма сложных для мага моего уровня исследований, осталось всего несколько миров. Львиную долю претендентов на руку и сердце потомственной попаданки Толик вычеркнул. Там война, тут драконовские традиции, тут отношение к женщинам чересчур жесткое или, напротив, трепетное...

Попаданки ведь замуж счастливо выходят, как правило, после весьма жестких испытаний, а на них не было ни времени, ни желания, зато имелся в наличии опекун, крайне озабоченный моим благополучием. В результате, он упрямо настоял на исключении из списка большей части миров, а я, немного посопротивлявшись для приличия, согласилась с доводами друга. В конце концов, для заключения брака мне было достаточно одного-единственного жениха. Ну, это я так раньше думала.

В любом случае, без помощи Толи перемещаться в иной мир было бы для меня чересчур рискованно. Это понимала даже я. Открыть переход уровень и специфика моего дара позволяли, но лишь при соблюдении некоторых условий и выматывающего до полусмерти обряда, включающего в себя кровопускание и прочие «мелочи». С другой стороны, лишь фее-крёстническая специализация опекуна обеспечивала страховку, представшую в виде заветного кактуса, и направленность выброса беззащитной меня непосредственно к жениху.

Тяжело вздохнув, вытерла мокрое лицо и, отложив полотенце, отошла к окну. В раскинувшемся вокруг дома парке было темно, лишь кое-где виднелись отсветы магических фонариков, подвешенных к ветвям рядом с дорожками.

Мгновенно захотелось оказаться там, где остро пахнет ночью, влажной землей и прелыми листьями. Осень уже не за горами. Просто побродить в тишине, прислушиваясь к шелесту листвы и малейшему шороху. Рассматривать ломаные расплывчатые тени на дорожках в пятнах фонарного света...

Еще несколько недель назад я бы, не слишком раздумывая, оделась и спустилась вниз, но сейчас это было бы крайне легкомысленно с моей стороны. Во-первых, там холодно, а я совсем недавно приняла ванну и длинные волосы все еще оставались влажными, а во-вторых...

Заметив между стволов движение, я чуть сдвинулась, укрываясь за занавеской. Нервно прикусив губу, несколько минут всматривалась в темноту, но ничего больше так и не увидела. Впрочем, это ничего не меняло. И без доказательств. Я прекрасно помнила, как любит Толик гулять по ночам в парке. Когда-то мы гуляли там вдвоем.

Я тогда была еще совсем мелкой. Мама Толика была жива, но они часто приезжали к нам в гости и, пока взрослые болтали в голубой гостиной, детям полагалось крепко спать в своих кроватках. Но демоническая кровь моего друга сказывалась — он не любил правил и лет до двадцати всячески восставал против них. Мне было семь, ему четырнадцать, когда в окно моей спальни, расположенной на втором этаже, впервые постучали снаружи.

Я плохо помню наш разговор, но изумление и восторг, затопившие, едва я увидела вихрастого мальчишку — преотлично. Он сидел на подоконнике, болтая ногами и лукаво посмеивался над моим всклокоченным со сна видом. А за его спиной переливалось звездной россыпью загадочно-черное небо.

Стоило ему протянуть мне руку, и я, выбравшись из кровати, приняла её без тени сомнений, даже не понимая толком куда и зачем он зовет. В тот миг я пошла бы за ним на

край света, в любую неведомую даль, полную опасностей... С ним я бы отправилась куда угодно, даже в ад.

Конечно, ни в какой ад мы не пошли — просто гуляли по темному парку. Но спуск по увитым плющом стенам, гибкие подвижные тени, крики ночных птиц, шорохи, даже запахи — все казалось мне таинственным, пугающим и завораживающе интересным. Наши вылазки для меня были приключением. Волнующим, волшебным и... запретным. Я обожала их! И Толика, ставшего большим, чем просто друг. Он виделся мне самым-самым. Сильным, умным, красивым. Куда там принцам из сказок! С ним я не боялась ничего.

Увы, детство закончилось раньше, чем я бы того хотела.

Решительно отступив от окна, я вернулась к умывальнику и хмуро уставилась на собственное отражение в небольшом зеркальце. Света в комнате не включала, потому и отражение четкостью не радовало, но мне-то что? Я думала.

Кто там остался? Темный повелитель, оборотень, боевой маг с примесью королевской крови, парочка эльфов, демон и... забыла. Было же еще двое? Ай, ладно. И этих хватит. Два прокола — еще не приговор. Уж на третий мне должно повезти абсолютно точно.

Может быть, лучше предпочесть темного властелина? Пожалуй, все же нет. Его статус наверняка будет означать проживание при дворе, да еще и в роли супруги Повелителя. То есть интриги, сплетни... Нет, не хочу. Оборотни ближе к земле, живут попроще, а дел у супруги главы клана будет вполне достаточно, чтобы не чувствовать себя обузой.

Еще несколько раз взвесив все «за» и «против», я кивнула самой себе и направилась в пустую и по сей день спальню родителей. Для знакомства с оборотнем самой подходящей одеждой будут мамины глубоко любимые джинсы и какая-нибудь рубашка. Это в вампирском замке сорочка — идеальный вариант, а третий жених в момент моего перемещения может пребывать где угодно, включая лесную чащу. Пробираться через бурелом в одном нижнем белье или длинном платье? Увольте!

К счастью, я прекрасно знала код от сейфа, в котором хранились джинсы. Мама бережно их хранила, хотя надевала очень редко. Не принято у нас в таком ходить. Вытаскивая светло-голубые штаны из защищенного магией шкафа, я чуть дышала. Не мудрено! Этот предмет гардероба в нашей семье давным-давно стал чем-то вроде символа удачи, благоволения судьбы и, да, взаимной любви.

И страшновато одевать такое, и в то же время удачи взаимной любви мне как раз и предстоит добиваться. Тем более, папулик на эту тряпку столько защитных заклинаний повешал — и от огня, и от грязи, и вообще, от всего на свете. Причем именно на джинсы, а не на их владелицу. Мне-то защитную магию применять как раз нельзя, не положено попаданкам такое.

В итоге я вернулась в свою комнату, спрятала штаны под подушку и опять нырнула под одеяло. То ли близость символа удачи повлияла, то ли я просто успокоилась, но заснула почти мгновенно, а на утро, чистенькая и бодрая до безобразия, ворвалась в кабинет к опекуну.

— Дуся, во что ты одета? — едва заметив меня, застонал Толик. Даже папку, которую в руках держал, и ту выронил.

— Нравится? — я приподнялась на цыпочки и, смеясь, покрутилась вокруг своей оси.

— Э... — он почему-то побледнел, потом покраснел, а потом и вовсе, стиснув кулаки, сделал большой шаг назад.

А сзади стол и друг его весьма основательно тряхнул своим... филеом, когда

отшатывался. Даже загодя приготовленный кактус, на этот раз почему-то красный и совсем маленький, зато без колючек, свалился от удара и закатился под диван.

— Да ладно тебе, — фыркнула и направилась к диванчику, наклонилась, нащупывая вредное растение. — Очень даже ничего. Я сначала расстроилась, подумала, что джинсы мне малы, но потом вспомнила, как мама их надевала лежа и — вуаля! — идеальный наряд для охмурения оборотня готов.

Кактус никак не находился. Пришлось встать на колени и заглянуть под диван. Ох, вон же он! У самой стены. Хорошо, что ножки у данного предмета мебели высокие, потому что иначе фиг бы я наполовину под него влезла.

— Уф, — наконец-то сцапав кактус я попятилась обратно, попой вперед. — Достала.

Толик ничего не ответил, а я:

— Пыльно тут у тебя, — сказала, поднимаясь на ноги.

Я повернулась к зеркалу, с удовольствием разглядывая отражение. Джинсы обтягивали, как вторая кожа, подчеркивая стройность длинных ножек и выпуклость пониже спины. Тонкий свитерок, какие обычно надевали осенью под охотничий жилет, не менее красноречиво обрисовывал тонкую талию и высокую грудь. Мягкие кожаные ботинки немного выбивались из образа, но в случае чего ходить по лесу в туфлях я не нанималась.

— Я готова! Отправляй меня к оборотням, — перекидывая за спину толстую косу, посмотрела на Толика.

Тот почему-то резко отвернулся и уставился на... стену. Я озадаченно почесала нос. Не поняла? Кулаки сжаты, спина окаменевшая... настолько зол? Ох... опять начинается...

Тяжело вздохнув, я на секунду зажмурилась, старательно отпихивая здравый смысл, который не к месту решил вернуться и занять законное место в моей голове. Захотелось молча выйти из кабинета. Переодеться и спуститься в конюшню, а потом часа два... Нет, нельзя. И я, прикусив губу медленно подошла к... другу.

— Ну, чего ты опять кипяتيشся, — положив ладони ему на спину, сказала. — С твоей магией я почти ничем не рискую.

— Почти, — прошипел он зло.

— Хорошо, — прильнув щекой к твердокаменной лопатке. — Пусть будет просто «ничем не рискую». Там, в ином мире, я буду попаданкой. Даже если мы чего-то не учли и на мою долю выпадут испытания, потом, всё равно, все будет отлично. Меня полюбит настоящий мужчина, и я... тоже его полюблю всем сердцем. Мы поженимся, у нас будут дети. Ты ведь и сам знаешь.

— Знаю! — опять шипение.

Заладил, блин!

— Ты гадюку проглотил, что ли? — включилось моё так тщательно лелеемое в последнее время попаданческое ехидство. — Шипишь и шипишь! Сколько можно?

— Как твой опекун я...

— Должен позаботиться о моем благополучии! В конце концов, ты ведь желаешь мне большого и светлого счастья?

Толик зарычал. Негромко, глухо, но как-то так, что я в очередной раз вспомнила про его демонические корни.

— Не з... — начала было, но он развернулся и оборвал меня резким:

— Хватит!

Одного взгляда в непроглядно-черные, с фиолетовым отливом глаза оказалось

достаточно, чтобы остолбенеть. Обычно глаза у Толика серые, с узким черным ободком.

В пару шагов опекун пересек кабинет и рванул дверку шкафа. Спустя пару мгновений моего остолбенения и треска езда ли не рвущейся ткани платья мой фей-крестный взмахнул палочкой и вокруг меня, испуганно прижимающей к груди кактус, за клубился розовый дым.

Абзац! И что это было?

Возле распахнутого окна материализовалось темная расплывчатая фигура. В кабинете мгновенно потемнело и замогильный голос спросил:

— Зачем ты это делаешь?

Мужчина, преувеличенно аккуратно и вместе с тем чересчур сосредоточенно убирающий в шкаф усеянное блестками платье, даже не дрогнул.

— Что именно? — сквозь зубы отозвался он, ничуть не удивившись.

— Зачем ты её отпускаешь?

— Она этого хочет. Я не имею права диктовать ей свои условия и портить жизнь.

— Портить? Смешно...

Фигура прошла вглубь комнаты и замерла напротив внушительного секретера. Запах серы медленно, но неотвратимо заполнял помещение.

— Ты сын своего отца, иначе не смог бы призвать меня. Ты демон, а демоны не отказываются от желанной женщины ради каких-то глупостей. Она еще слишком молода, чтобы в полной мере понимать...

— Я не буду принуждать её, — холодно и резко оборвал говорящего мужчина.

— Но она...

— Отказала мне. Я несколько раз предлагал выйти за меня, но она предпочитает... — от вырвавшегося из груди глухого рыка стекла задребезжали — Дуся выбрала риск ради шанса обрести счастье. Значит, так и будет.

— Счастье с другим? — скептически фыркнула темнота, подаваясь вперед.

В исполнении замогильного голоса скепсис прозвучал весьма... своеобразно. Впрочем, собеседников это не смутило.

— Да, — мужчина тяжело опустился на стул и стиснул в руке бронзовое пресс-папье в форме дракона. — Даже так. Ты нашел её родителей?

— Ревность сожрет тебя заживо, — игнорируя вопрос, угрожающее. — Ты демон, истинный, хоть и не чистокровный. Вынести, что желанная женщина отдается другому мужчине, не сможешь.

Несколько секунд в комнате царил тишина, нарушаемая лишь щебетом птиц, доносившимся из-за окна. Потом:

— Это не обсуждается, — тихое.

— Неужели ты не в состоянии приручить девчонку? Не верю!

— Не могу.

— Но почему?

— Потому что ты говоришь о желаниях и страсти, а Дусю я люблю. Это большая разница. Я не хочу её принуждать и хватит об этом! Так что там с поисками?

Когда клубы розового дыма рассеялись, я все еще пребывала в некоторой прострации от поведения Толика. Наверное, именно поэтому с самого начала все пошло наперекосяк. Для начала, уже наличествующее остолбенение, стоило мне оказаться в новом мире и увидеть будущего супруга, преобразилось в полноценный ступор.

В смысле, до того в момент знакомства в шоке пребывали женихи, а тут я сама стремительно начала менять цвет шкурки, потеряв дар речи, и лишь открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба. Почему? Ну, прежде я падала потенциальным мужьям прямо в руки, а сейчас оказалась сидящей на травке. Нет, оборотень тут был, Толик не промахнулся, но... Я сглотнула.

Хорошо хоть с выбором одежды не ошиблась! Мы находились в лесу. Вернее, на опушке лиственного, преимущественно березового леса.

Вокруг царил ранняя осень. Среди еще зеленых крон тут и там виднелись вкрапления золота. Кроны уже приобрели ту волшебную прозрачность, которая позволяет осеннему солнцу просвечивать их насквозь и сыпать тепло на поросшую чуть жестковатой в преддверии холодов травой землю. При каждом порыве ветерка лес наполнялся веселым шелестом и вниз, осколками лучей, срывались желтые березовые листочки.

По идее, тут и пахнуть должно чудесно — теплой землей, палым золотом листвы, солнцем — но увы. На деле воняло! Не знаю, чем именно, но мерзко и сильно. Аж дыхание перехватывало. И если бы убивало только это! Даже вышибающий слезу смрад на фоне представшего взору будущего супруга пыхтел рассерженным ежиком и стыдливо отступал в сторонку.

Нет, жених пребывал в человеческой ипостаси. Нет, вонял не он. По крайней мере со всех сторон воняло одинаково противно. И третье «нет», уродом он не был! Со своего места я хорошо видела и широкую мускулистую спину, и могучий разворот плеч, и тонкую талию, и ноги, длинные и ровные, вот только... Очутилась я здесь в очень неподходящий момент.

Видимо, оборотень только-только сменил ипостась и... собирался одеваться. В ином случае, чего ему в лесу голым задом щеголять? Конкретно сейчас мужчина стоял ко мне спиной, а под кустиком лежали аккуратной стопочкой сложенные вещи. Но я-то на земле сижу и на уровне глаз как раз тот самый голый зад!

Мама, роди меня обратно. От изумления я даже зажмуриться не сообразила, а потом он потянулся к одежде и... наклонился, едва не ткнув филейной частью мне в лицо!

— Какой ужас! — отшатнувшись, вскрикнула я писклявым, не своим голосом и крепче прижала кактус к сердцу.

Угу. И что сделал будущий муж? Правильно! Молниеносно выпрямился и обернулся. И не через плечико, а всем телом. Объяснять, чем именно сменилось видение зада? Вот именно...

Нет, с мамой мы о многом говорили, и про физиологию мужчин и женщин я осведомлена не в пример многим кисейным барышням. Даже о процессе зачатия кое-что знаю, но... Одно дело знать и слышать и совсем другое видеть! Тем более так близко и...

Узрев перед самым носом заросли курчавого волоса и тот самый орган, которым в последствии, мы будем детей делать, я выдала сакраментальное «кошмар!» и, как и полагается всякой благовоспитанной девице, чинно удалилась в обморок.

— Ты как? — едва я открыла глаза, послышался встревоженный голос.

— Вроде бы, нормально... — протянула неуверенно и несколько раз моргнула, прогоняя

сонную одурь. Ну, может и не сонную, но как обозвать мутное состояние после обморока я не знаю. — А ты кто?

— Я-то? Василь, — отозвался мужчина, бодро несущий меня на руках. — Но мне бы тоже хотелось узнать, кто ты такая и откуда свалилась на мою голову?

Я нервно покосилась на плечо, к которому прижималась щекой. Слава богу, жених успел одеться. Тонкий свитер горчичного цвета мягко льнул к щеке, издавая аромат дубовой коры, мускуса и еще чего-то неуловимо приятного. Надеюсь, штаны тоже имеют место быть. Голос у Василя, кстати, оказался весьма приятным. Не слишком низким, но чуть хрипловатым, с вибрирующими нотками.

— А где мой кактус? — всполошилась, осознав, что руки пусты.

— У меня в сумке.

— Отдай, пожалуйста. И, если можно, опусти меня на ноги. Я уже могу сама идти.

— Как скажешь, — мужчина пожал плечами и аккуратно поставил на землю.

Получив свой подстраховочный цветочек, я выдохнула с облегчением и подняла взгляд. А что? Очень даже симпатичное лицо. Коротко подстриженные волосы цвета лесного ореха, высокий лоб. Квадратный подбородок с очаровательной ямочкой, крупный классический нос. Четко очерченный рот. Брови взлет и ярко-желтые, с прямоугольным зрачком глаза. Немного жутковатенько, но в целом вполне симпатично.

— Ну как, нравлюсь? — выдержав несколько секунд паузы, насмешливо спросил Василь.

— В таком ракурсе да, — буркнула и отвела глаза, чувствуя, как заалели щеки. Всё-таки первая встреча была шокирующе... откровенной. Сразу всё на показ — это уже перебор. — Кстати, можешь звать меня Люси. Я попаданка и, судя по всему, твоя будущая жена.

— Забавно... — хмыкнул мужчина. — А не боишься так сразу всю подноготную выкладывать?

— Кто бы говорил!

Вместо ответа он просто взял за руку и потянул меня в сторону виднеющихся впереди крыш. Лес остался позади и сейчас мы шли вдоль распаханного поля. Впереди виднелись деревья, а за ними, довольно далеко, горы.

— А куда мы идем? — через пару минут спросила.

— В город, — махнул в сторону деревьев. — Я собирался позавтракать. Надеюсь, ты ко мне присоединишься?

— С удовольствием. А как на счет...

— Люси, — не сбавляя шага, глянул он на меня. — Я осознаю, что от брака с попаданкой отвертеться не получится. Всё равно, влюблюсь. И тем не менее, стоит для начала просто познакомиться поближе. Не находишь?

Почувствовав, как отлегло от сердца, я радостно кивнула. Похоже, на это раз мне повезло. Здорово, когда будущий муж не только красив и влюблен, но еще и с головой дружит. И улыбка у него обаятельная, а в глазах смешинки.

До города мы дошли быстро. Или время пролетело незаметно, так как по дороге Василь рассказывал о своей семье? Не знаю, но когда показались первые дома, я уже была в курсе того, что у моего будущего мужа есть три сестры и два брата. Сам он был старшим и потому наследовал своему отцу. Но это по идее, потому как глава клана был не только жив, но и здоров. Впрочем, меня это ничуть не смущало. Я даже обрадовалась. Власть никогда не казалась мне привилегией. Скорее уж обузой, а при таком раскладе я получала и мужа и не

обязана была плести интриги. Чего еще желать?

Опять же, матушка, по утверждению Василя, занималась исключительно воспитанием младших детей и в жизнь старших практически не вмешивалась. Вообще, правила в сообществе оборотней сильно отличались от общепринятых у меня дома. Тут куда больше ценили свободу и возможность поступать по собственному усмотрению. По мере продвижения к центру городка, я всё больше в этом убеждалась.

И дело не только в словах спутника. Просто нам навстречу стали попадаться другие оборотни. Что примечательно, многие девушки щеголяли в брюках, и никто на них не косился с неодобрением. Зато на мои джинсы сами девушки очень даже косились, не скрывая интереса. Мужчины тоже поначалу смотрели оценивающе, но, узнав моего спутника, быстро отводили глаза.

— Предлагаю позавтракать в кафе, — чуть стиснув мои пальчики, проговорил Василь. — Вон там. Ты не против?

Глянув в указанном направлении я расплылась в улыбке. Несколько столиков под навесом из плотной ткани смотрелись очень привлекательно.

— Я только за!

Если откровенно, меня не покидало ощущение, что с каждым шагом всё больше и больше влюбляюсь. Пока не в спутника, в будущее место жительства.

Узкая, выложенная серым булыжником улочка петляла между высоченных деревьев, за которыми тут и там виднелись двухэтажные домики. Красивые, как с картинки! Черепичные крыши, светлые стены, широкие окна и темные резные ставни. Вообще, этот город больше напоминал парк, в котором по какому-то недоразумению завелись жилые дома. И никаких заборов!

А еще мне нравились прохожие. Спокойные, без тени надменности или осуждения. Многие улыбались, а некоторые и вовсе подмигивали Василю. Кстати, глаза у всех были разные. Цвета радужки преобладали золотистые или зеленые, но пару раз видела и оттенки голубого. Зато форма глаз и зрачков поражала разнообразием. Были тут и круглые, как у сов, очи. И раскосые, с вертикально вытянутым кошачьим зрачком, и с горизонтально расположенными прямоугольными зрачками, и банальные, совсем человеческие глаза.

— Присаживайся, — предупредительно отодвинув стул от крайнего столика, предложил Василь.

Поставив кактус, я села и углубилась в протянутое меню. Спектр блюд порадовал всё тем же разнообразием — от банальной овсянки до отбивной с кровью и пирожных с кремом. Когда милостивая официантка записала в блокнотик наш заказ и удалилась, я полюбопытствовала:

— А в городе вы всегда в человеческой форме пребываете?

— Почти, — с улыбкой кивнул мужчина. — Смена ипостаси подразумевает некоторые... хм... сложности.

— В смысле, одежду нужно снимать? — догадалась я и слегка покраснела.

— В том числе. Согласись, каждый раз оказываться голышом среди толпы не совсем удобно. У нас ведь здесь и дети, и молодые незамужние девушки. К чему их пугать? К тому же, со стороны сам процесс перекидывания выглядит не слишком привлекательно. Ну и так, по мелочи. Лучше, расскажи немного о себе. Как ты сюда попала?

Пожав плечами, я улыбнулась и решила выдать всё, как есть. Чего мне скрывать?

— Моя мама попаданка, а папа принц. Не наследный. Можешь не тревожиться. Увы, в

моем мире даже разбавленная кровь правящей династии, текущая по моим венам, означает, что спокойно жить и работать какой-нибудь гувернанткой или швейей мне никто не позволит. Не по статусу.

— А у тебя есть необходимость работать?

— Еще нет, но в ближайшие месяцы возникнет. Родители пропали пару лет назад и очень скоро их признают погибшими. Наследовать своему отцу, как незамужняя девица, я не могу. Вот муж, если бы он был, мог бы, но я не хочу выходить замуж по указке короны.

Принесли заказ. Девушка с желтыми глазами и прямоугольными, как у моего жениха, зрачками, споро расставила тарелки и чашки. Разложила приборы. Снежно-белые салфеточки, сложенные в виде лебедей, украсили стол. Когда официантка пожелала нам приятного аппетита и удалилась, беседа продолжилась.

— И ты решила пойти по стопам матери?

— Именно, — кивнула, искоса поглядывая на то, как будущий муж накалывает на вилку кусок какого-то овоща.

Мне Костик еще долго в кошмарах сниться будет! Вернее, то, как он ел. К счастью, у Василя с манерами дело обстояло куда лучше, и я в очередной раз выдохнула с облегчением. Видно, две неудачные попытки выйти замуж заставляют ждать подвоха.

— Кстати, обращаю твое внимание, что ты на наследство претендовать уже не сможешь. Другой мир и все такое. К тому же, после свадьбы здесь, у себя дома я буду признана пропавшей без вести, а в права наследования вступит Толик.

— Кто?

— Мой хороший друг. Когда его мама погибла, мой папа взял на себя опеку над ним. По завещанию, Толик следующий в очереди.

— А тебя, — Оборотень скептически приподнял бровь. — не смущает перспектива лишиться наследства в пользу кого-то другого?

— Ничуть. Тем более, для попаданок — это нормальная практика. Оказываясь в ином мире, прежний так или иначе оставляешь в прошлом. Включая имущество и обязательства.

Отпив глоток компота, я с удовольствием принялась за еду. Яичница с беконом оказалась выше всяческих похвал. Вку-у-сно...

— Ладно, с этим разобрались, — проговорил мужчина. — Насчет достатка можешь не переживать. У нас не принято кичиться богатством, да и живем мы скромно, но обеспечить жену и детей всем необходимым не проблема. Теперь, если тебе не трудно, мне бы хотелось узнать побольше о тебе самой. Что ты любишь?

И моя надежда на благополучный исход этой авантюры окончательно взяла верх над опасениями. Ароматы еды щекотали ноздри. Ободряюще шелестели кронами деревья, а осеннее солнце растекалось по коже ласковым теплом. На этот раз всё вышло замечательно! Жених обаятелен и не глуп, мама его занята своими делами, а город, в котором мне предстоит жить и воспитывать детей, очарователен. Что еще нужно для счастья?

Оставшаяся часть дня прошла как в тумане. После завтрака мы несколько часов гуляли по узким улочкам. Василь познакомил меня с несколькими друзьями, представив им как свою невесту. Впрочем, удивление оборотней быстро сходило на нет, стоило услышать про то, что я попаданка.

Обедали мы дома у жениха. Вернее, у его родителей, поскольку в его собственный дом мы не рискнули заглянуть. В смысле, наедине до свадьбы в закрытом помещении по местным обычаям оставаться не рекомендовалось. Жесткого запрета не было, но смысл

лезть на рожон? И слава Богу!

Мне очень приглянулись сестренки будущего мужа, да и мама его, скромная, милая женщина тоже понравилась. До позднего вечера мы болтали ни о чем и расстались очень довольными друг другом. В небольшой, но очень уютной комнатке, выделенной специально для меня, засыпала я с легким сердцем. Помолвку назначили на вечер следующего дня, а потом, через неделю уже свадьба.

Осталось совсем немного и я перестану плакать по ночам в подушку, да и тот, кто приходит во сне, вздохнет свободней. Всё же немалое наследство куда приятнее дотошной подопечной, от которой одни неприятности и никакого толка. А я... попаданка. Значит, Василя непременно полюблю всем сердцем. Когда-нибудь...

Спала я крепко, проснулась поздно. Со вкусом потянувшись, открыла глаза и...

— Привет, — с улыбкой проговорил оборотень.

Он сидел в низком кресле, закинув ногу на ногу и попивая что-то из большой кружки. Золотые глаза смотрели задумчиво и чуть-чуть насмешливо. По волосам теплыми бликами солнышко рассыпало осколки лучиков. Симпотный у меня муж будет, что ни говори.

— Привет, — несколько смущенная, я все же улыбнулась и села, придерживая одеяло на груди.

— Ты очень милая, — забавно склонив голову к плечу, признался. — Кажется, еще пара дней рядом с тобой, и я действительно влюблюсь, малышка.

Чувствуя, как начинают алеть уши, смущенно прикусила нижнюю губу.

— А что ты тут делаешь? — набравшись смелости, все же спросила, спуская ноги на пол.

— Любуюсь. У тебя убийственно соблазнительные лодыжки.

Нервно хихикнув, вытянула ногу и, покрутив в воздухе ступней, полюбопытствовала:

— А разве лодыжки могут быть соблазнительными?

— Естественно. У настоящей женщины соблазнительным может быть абсолютно все, — Василь подмигнул, встал и, подойдя, протянул мне кружку. — Хочешь?

Несмотря на очевидную невинность предложения, я почему-то покраснела еще больше. Было в интонациях жениха нечто... двусмысленное. Сглотнув, неуверенно подняла руку и, едва пальцы коснулись керамической поверхности, их накрыла мужская ладонь, чуть сдвинула так, что мои пальцы переплелись с пальцами Василя, которыми он держал кружку. Сердце испуганно трепыхнулось в груди. Я замерла, зачарованно глядя в нечеловеческие желтые глаза оборотня.

— Ты восхитительна в своей невинности, Люси, — склонившись, шепнул на ухо мужчина. — Но, поверь, став женщиной, будешь просто неотразима. Я не хочу торопить события, но...

Я нервно облизнула губы, чувствуя, как по коже побежали мурашки, а колени ослабели.

— Но? — еле слышно пискнула, когда пауза затянулась.

Оборотень чуть прикусил мочку уха, а потом снова обжег дыханием и:

— Есть ли смысл отказывать себе в удовольствии, если до свадьбы всего несколько дней? Тем более, для нас обоих пути назад уже нет, — Его губы коснулись виска, скользнули по щеке. — Люси...

Отпустив кружку, одной рукой Василь потянул одело вниз, а другой коснулся обнаженной спины, медленно поглаживая лопатки. Не то чтобы это было неприятно, но...

— Давай, все же подождем, — сглотнув, попросила. — Познакомимся поближе.

— Куда уж ближе? — хмыкнул, целуя в основание шеи сбоку.

— Ну... — судорожно подтягивая одеяло, протянула. — Ты же оборотень, а я не видела твою вторую ипостась. Должна же я познакомиться с твоим зверем?

— А я о чем? Сейчас познакомлю!

— Прямо тут? — изумилась.

— Именно тут, девочка. Для первого знакомства с ним постель — самое место. Для тебя.

Когда до меня дошло, о чем он, едва не застонала и чуть не треснула его кружкой по голове.

— Отойди, — прошипела. — Пошляк!

— Почему пошляк? — все же отодвигаясь, фыркнул. — Ты без пяти минут моя жена, или, думаешь, мы с тобой после свадьбы в шашки играть будем?

Выдохнув с облегчением, залпом выпила весь компот и сунула пустую тару жениху. Всё-таки я не готова вот так, сразу...

— Вот после свадьбы и разберемся! И пока не увижу твою ипостась, даже не подходи.

Василь недовольно поморщился и пожал плечами:

— В таком случае жду тебя внизу. У тебя пятнадцать минут.

Уже открыв дверь, он шагнул в коридор, но я его окликнула:

— Для чего ждешь?

— Пойдем в лес, знакомиться.

И я осталась одна, смущенная и несколько раздосадованная то ли его наглостью, то ли своей реакцией. Ладно, всему свое время.

Быстро одевшись, я заправила кровать, причесалась и направилась вслед за оборотнем. Уже покинув комнату, остановилась. Подумала и вернулась назад, чтобы прихватить кактус. Мало ли? Вдруг, я зверю Василя не понравлюсь? Или наоборот, очень понравлюсь, но в гастрономическом плане? В крайнем случае волку или тигру, уж не знаю. В кого жених превратится, можно будет кактус в пасть сунуть.

Сразу нас никуда не отпустили, конечно. Сначала будущая свекровь накормила завтраком, а уж после мы пошли в лес. По дороге встретили пару знакомых по вчерашнему дню, поболтали. Вот в чем у меня нет сомнений, так это в том, что и новая семья, и город уже почти завоевали мое сердце. Но, сколь веревочки не виться, до леса мы добрались. Увы, главное до меня доперло только тут. Он ведь сейчас раздеваться будет! Но сдавать назад было поздно.

Отпустив мою ладонь, Василь отошел на шаг и провокационно улыбнулся. Стянул через голову свитер, с явным удовольствием явив взгляду накачанный пресс. Потянулся к ремню брюк и... я резко повернулась к нему спиной.

— Как обернешься, скажешь, — попросила.

— Уверена? — чуть насмешливое. — В прошлый раз, увидев меня во всей красе, сознание потеряла.

— Да уж, от скромности ты точно не умрешь!

— Даже не сомневайся!

Я запрокинула голову, рассматривая небо в просветах березовых крон. Легкий ветерок шевелил волосы, успокаивающе гладил горящие от смущения щеки. Пахло солнцем, теплой землей, ранней осенью. Ровно до тех пор, пока не завоняло. Резкий неприятный запах за

пару мгновений свел на нет все прежние ощущения, но прежде чем я успела что-то сообразить, сзади раздалось громкое

— Бе-е-е!

Подпрыгнув от неожиданности, я обернулась и... обалдела. Пару секунд молча открывала и закрывала рот, глядя в желтые глаза. Господи, почему это происходит со мной? Опять!

— Козёл? — не веря самой себе, проблеяла.

— Бе-е-е! — радостно отозвался... Василь.

— Козёл?!

Он согласно мотнул рогатой башкой. Гордо! Вот честное слово, он искренне гордился своей козлиной сущностью! Рогатой, копытной и... вонючей. Смрад стоял — хоть нос затыкай.

— То есть... — меня начало потряхивать — наши дети тоже будут... Козлина!!! Я тебе не коза!

И, едва не лопаюсь от злости, я со всей дури метнула кактус в ближайшую березу. На этот раз в клубы розового дыма буквально с разбега нырнула. Чтоб я с козлом?

Игриво надув легкие занавески, свежий ветерок ворвался в кабинет, наполнив его ароматами осеннего парка. Нахально скинул со стола пару бумажек и вылетел окно. Как ни крути, танцевать среди зелени и золота ему было куда приятней, да и времени до холодов оставалось все меньше. Кабинет никуда не денется, а вот осень очень скоро растворится в круговерти жизни и ускользнет, исчезнет до следующего года.

— Всё маешься? — замогильный голос лишь на первый взгляд был полон сарказма. На деле же сочувствия в нем было куда больше.

— Ничуть нет, — мотнув головой, сероглазый мужчина поднялся на ноги с низкого дивана. — Думаю.

— И о чем же? — ироничное. — Она не ночевала дома, да?

— Вероятно, на этот раз с женихом все прошло гладко, — деланно равнодушно пожал плечами Анатолий и, вдруг, со всей силы швырнул в стену пресс-папье, которое до того сжимал в руке. — Чтоб его!

— Ну вот, я же говорил! Ты не сможешь стерпеть...

— Уже смог, — сглотнув, прикрыл тяжелыми веками фиолетово-черные глаза полудемон. — Я знал, что делаю. Рано или поздно ей кто-то должен был понравиться.

Темная фигура отодвинулась к дальней стене. Прикосновение и от вмятины, оставленной бронзовым драконом не осталось и следа.

— В любом случае, уже поздно что-то менять. Если попаданка встретила свою половинку, пути назад нет. Так или иначе, что бы ты теперь не делал, любая дорога приведет её к избраннику.

— Я знаю, — едва слышное.

— Кстати, у драконов её родителей тоже нет, зато я напал на след. Где дальше искать будем?

Несколько секунд молчания пока запах серы неуклонно перебивал привнесенный ветерком аромат осени, и темноглазый мужчина тяжело вздохнул.

— Пока нигде. Мне нужно найти еще кое-кого.

— Дульсинею твою? И не думай. Я с попаданками не связываюсь!

— Дусина мать тоже попаданка.

— Угу. Только я ищу как раз её отца, а не мать. И вообще...

Взмахом руки хозяин кабинета оборвал ворчание собеседника.

— Не зуди. Я хотел попросить о другом.

Когда темная фигура растворилась, полудемон отошел к окну. Его невидящий взгляд скользил среди деревьев, искал и не находил ту, которая никогда больше... И тут над диваном с шипением и звоном возникло облако розового дыма.

— Козел! — взвыла я, падая на подушки. — Козлина!

— Тебе опять что-то не понравилось? — буркнул Толик, склонившись над очередной писулькой.

Кажется, я это уже видела. У меня беда, а он сидит себе за столом, занимается своими делами и в ус не дует!

— Ты к кому меня отправил! — прыжком подлетев к этому фею халтурному и уперлась в стол ладонями. — Ты вообще думаешь, что творишь?

— Дуся, о чем ты? — ничуть не смутившись, так же равнодушно отозвался этот... этот... гад. — Ты сама список миров предоставила, я только опасные вычеркнул. Чем тебе третий жених не угодил?

А сам улыбается! Нет, лица его не видела, но просто всем существом чувствовала, что лыбится! Демон, чтоб его!

— Чем не угодил? Хочешь знать?

— Очень, — тихо сказал и поднял на меня серебристые глаза, так ярко очерченные по кромке радужки черным ободком.

У меня от пристальности этого взгляда на миг дыхание перехватило... Шмыгнув носом, я прикусила губу и отвернулась.

— У меня опять все наперекосяк, а ты издеваешься, — прошептала, зябко обхватив себя руками.

— Я никогда над тобой не издеваюсь, Дуся, — прозвучало над самым ухом ласковое.

Широкие ладони легли мне на плечи, согревая и успокаивая.

— Вот, опять! Я же просила меня так не называть!

— Прости, но Люси мне не нравится. Похоже на кличку длинношерстной собаки.

— Да иди ты!

Я вспыхнула и возмущенно дернулась, избавляясь от его прикосновения, но Толик всегда был упрямей самого упрямого ишака и ладони снова легли на плечи. И. самое досадное, ощущение такое, будто там им самое место.

— И куда конкретно? — подначил остроухий ишак смешанных кровей. — Адресок озвучишь?

— Я бы озвучила, но приличным девушками такие словесные конструкции вслух произносить не полагается.

— Насколько мне известно, самое неприличное слово в твоём лексиконе «задница», — насмешливо фыркнул Толик, а я опять завелась.

Выкрутилась из рук опекуна и снова заметалась по кабинету, сама не своя от обиды и

злости.

— Вот только про задницу не надо! Чего-чего, а на неё я вчера уже насмотрелась! И не только на неё между прочим, но и на обратную сторону этой накачанной детали!

— В каком смысле? — почему-то опять уподобился гадюке друг и зашипел.

— В прямом! — рывкнула.

— Но это фигня! Это та-акие мелочи по сравнению с остальным!

— Что?! Дуся!!!

— Я уже восемнадцать лет, как Дуся! То есть Люси!

В комнате заметно потемнело и, удивленно глянув через плечо на Толика, испуганно охнула. Ведь только что он возле окна стоял, а сейчас уже вплотную ко мне. И глаза снова фиолетово-черные, злые... Сглотнув, попятилась от ополоумевшего опекуна. Увы, особенно пятиться было уже некуда — сделав буквально пару шагов, уперлась спиной в папин шкаф с документами.

— Как это ты до свадьбы умудрилась увидеть этого оборотня голым? — наступая, прошипел Толик. — Когда успела?

— В-в-вчера...

От утробного рыка, заполнившего помещение, люстра жалобно зазвенела, а я замерла, замороженная приближением... монстра. Таким я друга никогда еще не видела! Что происходит?

— Целиком? — угрожающее.

— Нет! — я нервно мотнула головой. — Только нижнюю половину!

— Что?!

От очередного рыка что-то внутри тоненько звякнуло и оборвалось. Наверное, мое и без того потрепанное терпение. Испуг мгновенно обратился раздражением. Чего он орет, собственно?

— Ничего! — рывкнула уже я, толкнув подступившего вплотную мужчину в грудь. — Я то чем виновата, если Василь своими... частями в лицо тыкал? Я и пикнуть не успела, а потом...

Упс! А я не знала, что полукровки так могут.

В комнате резко сгустились сумерки. А на дворе день вообще-то! Потом вдали зарокотал гром, а я... открыв рот смотрела в сверкающие глаза напротив. Густым, фиолетовым мраком сверкающие!

— То-о-олик... — пискнула жалобно, вжимаясь спиной в шкаф и бочком-бочком пытаюсь уйти из-под прицела жуткого взгляда.

Вместо ответа и извинений — рев раненого зверя.

— Я тебя боюсь! — прошептала, не в силах даже зажмуриться. Да что там! Я как дышать забыла, глядя в сверкающие омуты очей неожиданно обезумевшего старого друга, опекуна... мужчины...

Рывок, и он потянул на себя, сжал, притиснул к груди. Я было дернулась с перепугу, но широкая ладонь, пальцы которой неожиданно обзавелись черными когтями, обхватила затылок, вынуждая поднять голову. Когда твердые губы преобразившегося друга приникли к моим в обжигающе-страстном поцелуе, меня будто кипятком окатило!

Чувствуя себя мотыльком, с маху влетевшим в ревушее пламя даже не свечи — лесного пожара, я трепыхнулась раз, другой... А потом руки сами собой сменили род деятельности — вместо того, чтобы отталкивать на пустом месте ополоумевшего полудемона, они

поднялись, обвивая его шею.

И уже не он прижимает меня к себе, а я сама льну к его большому телу в подспудном стремлении стать еще ближе, раствориться в этом сумасшествии до конца... Под потолком заметался мужской рык. Не гневный — торжествующий! Далекие раскаты грома вторили ему, а я запустила пальцы в короткие волосы Толика и снова застонала, запрокидывая голову. Его ладонь больше не удерживала затылок, спустившись ниже. Губы прокладывали дорожку поцелуев по шее, лаская, обжигая, подчиняя меня властности этой страсти.

Громкий треск ознаменовал гибель свитера, обнаженной кожи коснулась прохлада легкого ветерка, так контрастирующая с жаром бьющегося внутри безумия... В следующее мгновение полукровка поднял и снова приник губами к губам в глубоком поцелуе, окутывающем сознание сладким дурманом.

Я застонала, в каком-то остервенении впиваясь пальцами в бугрящиеся мышцы обнаженных плеч. Совершенно потерялась, сгорая в огне собственных и чужих желаний. Даже ощутив под спиной бархатистую замшу, лишь выгнулась навстречу большому телу, вдавливающему меня в диван. И стон — протяжный, почти болезненный и уже не мой — огласил темноту кабинета, вторя гулким раскатам грома.

— Любимая... — шепот на грани слышимости и Толик чуть прикусил мочку уха, чувственно скользя ладонью по ребрам, талии, бедру...

Такой большой, близкий, желанный... Мои собственные ладони недопустимо жадно и голодно скользили по могучей спине полудемона, впитывая каждый изгиб, каждое его движение. И как вспышка — не хочу, чтобы это прекратилось! Никогда! И, словно боясь потерять, обвила ногами узкие бедра, скрестив щиколотки.

— Да, — вырвалось из горла хриплое, и в ответ утробный рык, раскат грома, а потом...

Начались мамины джинсы. В смысле, попытка их порвать была явно лишней. Зачарованные же.

Несколько секунд, пока Толик безуспешно пытался уничтожить раритетные штаны, я еще тянулась к нему, целуя плечи, вжимая пальцы в гладкую кожу, а после...

— Мама! — взвыла, почему-то испугавшись не своего падения, а трепки, которую мне задаст родительница, если я испорчу её штаны.

Это было не осознанием — скорее рефлексом, а вот потом как-то разом в голову вернулись мысли, и я в ужасе застыла. Господи, что я творю?! Что мы творим?!

— А-а-а-а!!! — завизжала, отпихивая всеми конечностями Толика. — Ты обалдел?!

От количества децибелов в крике друг на мгновение ошалел, но мне этого хватило, чтобы вывернуться из-под его тела и взлететь на спинку дивана.

— Дуся! — зарычал он, прищурился черно-фиолетовые глазищи и потянул граблю к моей обнаженной груди.

— Балда! — Рывкнула и, цапнув кстати оказавшуюся поблизости подушку-думку, треснула демона по голове. К счастью, рогов на ней не наблюдалось, не то мое оружие мгновенно приказало бы долго жить. — Отстань, псих безрогий!

— Дуся!

— Не называй меня этим детским именем! — снова треснув подушкой по маковке, возмутилась. — И грабли убери! Охолони!

Толик вздрогнул всем телом и отшатнулся, но тут же опять подался вперед, стиснув талию и... уткнулся лбом в мой вздрагивающий живот. Голый! Причем и живот, и Толик! Правда, первый наполовину благополучно прикрывали джинсы, а второй оставался в брюках.

Обрывки рубашки висели на шкафу. Мой свитер, вернее то, что от него осталось, валялись под столом. Один мой ботинок стоял на подоконнике, другой и вовсе зацепился за дверную ручку. Хоть убейте, не помню, как они там оказались. И... какой ужас! Если бы не мамыны джинсы, мы ведь уже...

— Отпусти, — всхлипнула, выронив подушку и спрятав пылающее лицо в ладонях. — Толик, пожалуйста. Отпусти... Я тебя очень прошу, не делай так больше...

— Дуся... — застонал он все так же прижимаясь лбом к моему животу. — Я...

— Отпусти!!! — истерически завизжала и... зарыдала в голос.

Вот тут до него дошло. Полукровка отпрянул, одним прыжком пересек комнату, врезавшись спиной в секретер. Уставился на меня полными непонимания, сожаления и ужаса глазами, в фиолетовом мраке которых уже проглядывало серебро. А я, соскользнула вниз, встала на дрожащие ноги. Едва не упала, но как-то собралась и метнулась к шкафу. Сдернув с дверцы рубашку, прижала ткань к обнаженной груди и кинулась прочь, в свою комнату.

Меня душили слезы. Тело все еще ощущало прикосновения мужчины, которого я...

Как он мог? Неужели сам не понимает, насколько сложно его отталкивать? Я ведь не железная! Но сегодня... он переступил все границы. И самое страшное, даже сейчас, осознавая недопустимость наших отношений, от желания вернуться и с порога кинуться ему на шею всё внутри дрожало и горело. Прижаться к нему, обнять, зацеловать до полусмерти, просто отдать себя в его власть! Почувствовать себя птицей, которая взлетает навстречу буре, доверяясь ей бессмысленно, безоглядно...

Ворвавшись в свою комнату, натянула первое попавшееся, ничуть не заботясь ни о порядке в шкафу, ни о собственном облике, и, хлопнув дверью, метнулась по лестнице вниз. Когда я бегом ворвалась в конюшню, мальчишку, приставленного к лошадям, буквально снесло с дороги. Цапнув с крючка возле стойла недоуздов, уже через пару мгновений взлетела на любимую кобылку, наплевав на седло и приличия. Благо, ворота в помещение я в сердцах не открыла даже, а распахнула, едва не сорвав левую стойку с петель.

Мы нырнули в осень, ветер и дробный перестук копыт. Пригнувшись к теплой шее, я отдалась скачке. Вокруг дома, минуя узкие тропинки парка к широкой наезженной дороге, потом через поле в лес и...

Спешившись возле старого дуба, куда мы с Толиком так часто прибегали в детстве, я отпустила лошадь — всё равно, она никуда не уйдет — и подпрыгнув, влезла на толстую ветку. И еще чуть выше, чтобы дотянуться до краешка большого дупла и, подтянувшись, спрятаться от всего мира. Вот там, свернувшись клубочком на устилавшем дно сухом мху, я окончательно отпустила себя и заревела. Кажется, обняв колени, я даже выла, но держать себя в руках больше не было сил.

Несколько минут спустя, возле могучего дерева с узловатыми корнями и мощными ветвями остановился черный жеребец. Его всадник, бледный и напряженный, долго слушал душераздирающие рыдания, не делая и попытки спуститься на землю. Минута, другая, третья... Горестный плач все не стихал.

Зажмурившись, мужчина до побелевших костяшек стиснул поводья и глубоко вздохнул. На закаменевшие скулы упал прорвавшийся сквозь густую крону солнечный луч. Всхрапнув,

нетерпеливо топнул конь. Иволга неуверенно затянула свою песню, но оборвала её, едва начав, и перепорхнула на соседнее дерево, затерявшись в листве. Из дупла все так же доносились всхлипы и плач.

Всадник распахнул серые глаза.

Уже через пару минут он спрыгнул с толстой ветки старого дерева, одной рукой придерживая перекинутую через плечо рыдающую блондинку. Оказавшись на земле, перехватил свою ношу и, ни слова не говоря, вскочил в седло. Бережно прижимая девушку к себе, полукровка свистнул кобылке и направил жеребца прочь от дуба.

Ни в лесу, ни позже Дуся не сопротивлялась, но и успокоиться так и не смогла. Обвивая шею Толика руками, она прятала лицо на его плече и все плакала, плакала... Иногда рыдания на несколько минут стихали, но хрупкое девичье тело дрожало от попыток удержать внутри то, что рвалось наружу.

Передав лошадей на попечение конюшим, мужчина занес подопечную в дом. Поднялся по лестнице, пинком открыл дверь в свою спальню. Молча и решительно поставил девушку возле небольшого умывальника.

— Умойся, — приказал сухо и шагнул к шкафу, но Дуся сломанной куклой осела на пол, всхлипывая и вздрагивая всем телом.

Вернулся. Поднял. Умыл сам. Потом усадил на кровать и рывком сдернул с блондинки криво застегнутый приталенный жилет амазонки. Заскулив, девушка попыталась отодвинуться, стискивая ворот влажной после принудительных водных процедур блузки, но и этот предмет одежды спустя пару секунд, лишившись пуговиц, полетел к дальней стене.

Шаг в сторону. Почти неслышный скрип распахнутой двери.

Опустившись на колени возле кровати, мужчина надел на окаменевшую от такого Дусю собственный свитер.

— На удачу, — с горькой улыбкой прошептал, и поднявшись, протянул руку. — Пошли.

— Куда?

— В кабинет. Тебя ждет боевой маг королевских кровей и темный властелин.

— Маг, — со всхлипом.

— Как скажешь.

В кабинете я забила в угол, и, поджав ноги к груди, зажмурилась. Смотреть на Толика просто не могла, а времени на подготовку к новому переносу у него уйдет не менее часа. Чтобы новый кактус начаровать нужно сосредоточиться и взять эмоции за горло, а... друг на нервах, хоть внешне и выглядит спокойным. Но в том-то и дело, что СЛИШКОМ спокойным.

Увы, пересидеть бурю на полу за секретером мне не дали. Опекун решительно вытащил меня из-под защиты старой мебели и подтолкнул к дивану.

— Ложись и спи, — приказал.

— Как ты себе это представляешь? — через силу выдавила, стараясь не смотреть и на диван тоже. — После всего...

Полудемон оборвал сухим:

— Ничего не произошло! — в два шага оказавшись возле окна, он по привычке отпустил взгляд петлять по узким тропкам парка и продолжил еще суше и как будто отстраненно:

— Ничего не произошло, Дуся. Да, я сорвался, но этого больше не повторится. Не думаю, что у тебя есть основания сомневаться в надежности моего слова. Если желаешь, могу даже на крови поклясться.

— Не стоит, — глядя в напряженную спину, мотнула головой.

На самом деле я хотела этой клятвы, поскольку на собственное здравомыслие надежды уже не осталось. В данный момент я прилагала титанические усилия, лишь бы не кинуться к Толику на шею. Просто для того, чтобы обнять и успокоить. Пообещать что угодно, лишь бы деланное спокойствие голоса перестало рвать душу...

— Хорошо, я верю тебе, — вместо этого сказала тихо. Голос дрогнул, едва не сорвавшись на писк, но я всё же добавила: — Если кто-то и заслуживает моего доверия в этом мире, так это ты.

Он резко обернулся и посмотрел на меня через плечо, но вопроса, который читался в серебристых глазах так и не задал. Ответила и без того.

— И не надо так на меня смотреть! Ты прекрасно знаешь, как сильно я тебя люблю. Ты как был, так и остался для меня самым близким человеком. Про родителей не говорю, это другое.

— Почему тогда? — ровное, и он шагнул ко мне.

Угу, он шагнул ко мне, а я от него.

— Потому что моя любовь к тебе и брак ни коим образом не связаны. Это тоже разные вещи.

Я несколько покривила душой, но не сильно. В детстве я и вправду мечтала выйти замуж за этого остроухого. Да что там! Я в принципе не представляла рядом с собой никого другого, но... детство кончилось.

— Готовь перенос, — проговорила, ложась на диван и демонстративно отворачиваясь к спинке. — Мне еще на идиотскую волну настраиваться, а нервы ни к черту.

Ответа так и не дождалась. Сердце ныло, в глазах опять стояли слезы, а я прислушивалась к тихим шагам за спиной, снова и снова вспоминая разговор с отцом, разбивший мечты.

Это мама смотрела на мое отношение к толику сквозь пальцы. Как стопроцентная попаданка она искренне верила во всемогущество любви. К счастью, папа получил иное воспитание и на реалии нашего мира смотрел более трезво.

Как ни крути, Толик лишь полукровка без титула и положения в обществе. Причем полукровка незаконнорожденный. И пусть мне это безразлично, его брак с наследницей королевской крови невозможен. Тем более, когда эта девушка еще и наследница немалых угодий. Один намек на такой мезальянс и моего полудемона попросту убьют. И какая разница, погибнет он от яда или несчастного случая на охоте? Раньше или позже, но убьют. Нет, лучше буду ему просто другом, сестренкой или подопечной, лишь бы не вдовой.

Чувствуя, как слезы снова комом встали в горле, зажмурилась и до боли стиснула кулаки. Ногти впились в ладони, отрезвляя. Я не имею права сейчас думать об этом! Непосредственность, легкомысленность и никаких терзаний! Я попаданка... Ну, может, в данный момент не совсем, но очень скоро снова ей стану. И вот тогда, отыскав идеального мужа, влюблюсь и буду счастлива, как и полагается по закону жанра.

И всё будет хорошо! Толик получит папино наследство и женится на какой-нибудь милой девушке без примеси королевской крови. Я об этом уже не узнаю, скорее всего, но мне хватит знания, что он жив, здоров и счастлив. Я ведь тоже буду счастлива, как и

полагается попаданке.

Шмыгнув носом, через силу улыбнулась. Сейчас ка-ак брякнусь будущему мужу на голову, ка-ак осчастливилю по самой маковке! Эх, раззудись плечо, размахнись рука — кто попался попаданке не разлюбит никогда! И даже не попытается, поскольку дело это бесполезное и травмоопасное. Представила, как потенциальный супружник по-пластунски уползает от своего блондинистого счастья. Угу, а я за ним с кактусом.

Что бы еще такого представить. Чтоб посмешнее стало? Ах, да... Догоняю, значит, сажусь верхом и писклявым голосочком: «Покатай меня, большая черепаха!» А что? Мама так всегда папе говорила, когда у него плохое настроение случалось. В смысле, на спину запрыгивала и пищала в ухо. Не уверена, но, кажется, это заклинание из её прежнего мира. Смысла никакого, но папу впечатляло. Особенно, если прыгнуть неожиданно и пищать тоненько. И это я еще не вспоминала, как матушка его от икоты спасала!

— Дуся, — позвал Толик через какое-то время.

Вздрагнув, я обернулась, и несколько натянутая улыбка сама собой ожила. Нет, всё-таки высоченный остроухий полудемон с мрачной миной и в розовом блестящем платье в блестках — это что-то! Особенно шикарно смотрелось глубокое декольте, демонстрирующее поросшую темным волосом грудь...

— Смешно тебе? — сквозь зубы прошипел он, поправляя сползшую на ухо диадему.

— Еще как! — хихикнула. — Если ты еще реверанс сделаешь, я вообще лопну!

— Не дожدهшься, ехидна блондинистая, — буркнул и кинул мне горшочек с пушистым кактусом.

— А чего опять без колючек? — удивилась. — Куда твоя демоническая сущность смотрит?

Криво усмехнувшись, опекун взмахнул палочкой, но, проваливаясь в переход, я расслышала тихое:

— В опале она, Дуся. Удачи!

Хотела по традиции послать к черту, но не успела — голова закружилась, а потом я просто упала на следующего жениха. И можно было бы похихикать на тему совпадения задуманного с реальностью — все же приземлилась ровнехонько на спину будущему супругу. Больше скажу — на широкую мускулистую спину, пребывающую на огромной кровати, застеленной кремовым шелком. Причем и спина и то, что ниже, было абсолютно обнаженным.

Почему я не выдала сакраментальное «покатай меня»? Да потому, что этот маг обалдевший в постели был не один. В смысле, когда я выпала из розового облачка, этот гад как раз мне изменял с какой-то рыжей девицей. Нет, это уже свинство! Я тут к нему прибыла замуж выходить, а он...

— Пошляк! — взвыла я в голос и треснула мужика по блондинистой голове. Кактусом.

А какой девушке понравится сидеть на спине у жениха, который ей в этот момент изменяет? Вернее, изменял, пока я на него не плюхнулась. После ему не до адюльтера стало, а уж когда я горшок об его черепушку расколошматила, и вовсе. Но это — ерунда. Вот выпасть из клубов дыма прямо в руки Толику, едва отправившему меня к очередному претенденту на роль счастливого супруга — это серьезно.

— Что? — вытаращившись на раскрасневшуюся и злую попаданку, выдохнул он.

— Незабываемый секс, — рывкнула, спрыгивая на пол.

— Что?! Дуся, прошло всего три минуты! Вы бы не успели!

— Ну, — изумленно оглядываясь по сторонам, почесала в затылке. — Ты же успел за эти три минуты полкабинета разгромить! Чем я хуже?

В стене зияла приличных размеров дырень. Занавески дымились и жутко воняли. Обломки стула валялись возле опрокинутого стола, сверху ворох бумаг и...

— Дуся, не зли меня! — прошипел Толик гневно. — Какой еще секс?

Отмахнувшись от попыток разума вернуться на свое законное место и ужаснуться дикости диалога, выдала ответ в стиле нормальной попаданки:

— Говорю же, незабываемый! Ты меня этому... магу прямо в койку запулил. Причем, он там пребывал нагишом и не спал.

— Но три минуты... — даже не шепот, а хрип какой-то.

— Ну знаешь, мама всегда говорила «дурное дело не хитрое». В любом случае, могу с чистой совестью утверждать, что конкретно этот «акт любви» несостоявшийся супруг точно никогда не забудет. Где мой кактус?

— Дуся!

— Что Дуся? Я виновата, что предыдущий пришлось расколошматить о голову боевого извращенца?

— Извращенца... — почему-то исполненным ужаса голосом простонал опекун и метнулся ко мне. — Маленькая, ты...

Выкрутившись из неуместно крепких объятий, отошла и почесала нос.

— Да не бледней так. Ничего же не случилось. Подумаешь, кактус! Ты ведь еще мне сделаешь, правда?

— Стоп! — Схватившись за голову, рявкнул друг, но продолжил куда спокойнее, зато сверля требовательным взглядом. — Ты меня совсем запутала! Ведь моя мать предсказала, что замуж выйдешь невинной. Ошибиться она не могла, а пожениться за три минуты уж точно нельзя.

— Теоретически можно, — возразила. — Если выпасть из портала прямо к алтарю, расплющить в падении невесту и успеть крикнуть «да», прежде, чем жених и священнослужитель опомнятся.

— Но ты же здесь! Значит, замуж...

— Не вышла, естественно. Ты меня не к алтарю, а в постель зашвырнул, а там браки не заключают, а консуммируют.

— Ты в джинсах!

— И?

— Он бы их снять не успел!

— А кто сказал, что он их снимал? — искренне удивилась и, припомнив произошедшее, обиженно надулась.

Что ж мне так не везет-то? Сначала маменькин сынок, потом невоспитанный вампир и голопопый оборотень-козел! И теперь... тоже козел, и опять голозадый. Просто всемирный заговор какой-то!

— Достаточно того, что он свои портки скинуть успел, — буркнула и, сложив руки на груди, протянула жалобно: — Дай кактус, а?

— Так был у вас секс или нет?! — почему-то никак не желал успокаиваться Толик.

— У него был! — крикнула, не сдержавшись. — Бурный и незабываемый!

— С тобой?!

— Ну... я там тоже была, так что вроде как да. По крайней мере незабываемость этому

делу именно я обеспечила.

Полудемон зарычал и одной рукой метнул стол в стену. Большой, дубовый тяжеленный папин стол! Я попятилась, но даже сквозь грохот расслышала взбешенное:

— И что ты в таком случае делаешь здесь?

— Как что? — отступая к двери, пискнула. — Кактус жду...

— Р-р-р-р!

— Толь...

— Р-р-р-р!

Сглотнув, почти решила бежать, но оставлять друга в таком состоянии было страшновато. А если он совсем чокнулся и сейчас заветное платишко порвет? Другого-то нету, а самой телепортироваться опасно. И я попыталась воззвать к разуму некоторых.

— Толь, ты это... маковку пощупай.

— Зачем?! — доламывая второй стул, через плечо обернулось ко мне это чудо демонических кровей в розовом платье и диадеме на левом остром ушке.

— Ну... Ты так рычишь... Надо бы проверить, вдруг рога пробиваются?

— Р-р-рога?! Дуся!

Его воплем меня буквально вжало в стену, но сдаваться я не собиралась. В конце концов, кому как не мне выручать близкого человека? Вернее, полудемона.

Глубоко вздохнув, я набралась смелости и, разбежавшись, прыгнула на опекуна. Тот опешил и от неожиданности вопить перестал. Даже придержал под попу, не давая сползти вниз. Впрочем, я бы и сама справилась. Благо, ногами крепко обхватила. Прямо как в детстве!

— И что ты делаешь? — совсем другим, не столько злым, сколько сдавленным голосом спросил он спустя пару минут.

Я сосредоточенно чесала его макушку одной рукой, другой упираясь в закаменевшее плечо.

— Ищу, — отозвалась рассеянно, чуть ли не вода носом по голове друга. — Вот почему ты не плешивый, а? Как бы удобно было!

— Что?

— Рога искать! А так ни видно же ни шиша...

И я впервые в жизни услышала, как мужчина застонал и зарычал одновременно.

Странно... если ему это так не нравится, чего тогда на пол не поставит? Тем более и вправду неудобно, наверное. Мало того, что приходится под попу меня придерживать, так ведь еще и дышать тяжело. В смысле, для осмотра шевелюры мне пришлось подтянуться повыше, а грудь у меня не маленькая и наверняка доступ воздуха другу перекрыла... Упс...

Медленно отодвинулась, освободив Толика от сомнительного удовольствия дышать сквозь молочные железы и глянула вниз, на его лицо.

— Удивительно, — ворчливо заметил он секунд через десять, — но даже облысев, я бы предпочел быть безрогим.

— Уверен? Ты и так самый красивый, но мне кажется, рожки тебя не испортят.

— Ты так считаешь? Правда? — едва слышно переспросил он зачем-то.

— Глупый вопрос! Как рога могут испортить демона, пусть даже полукровку?

Серые глаза потеплели и...

— Почеши еще? — неожиданно попросил этот остроухий и осторожно, будто боялся напугать, притиснул меня обратно.

А я что? Почесала. Тем более волосы у него чистые, густые и наощупь очень приятные.

— Дусь? — донеслось глухое из-за врага свободного дыхания. В смысле, грудь голос друга глушила.

— Ась?

— Ты какие рога имела в виду?

— Не знаю. Я же твою демоническую родню не видела.

Он помолчал, а потом:

— То есть не издеваешься?

— Нет, — удивилась. — А надо?

— Благодарю. Уже.

— Что уже?

— Ничего. Дусь, а под незабываемым сексом ты подразумевала тоже... нечто метафорическое?

Хмыкнув, не удержалась и поцеловала этого чудика в макушку. Зря, потому что еле заставила себя оторваться. Почему-то запах его волос вызывал желание зарыться в них лицом, да так и застыть на веки вечные.

— Ничего метафорического, — Усилием воли заставив себя выпрямиться, попросила: — Отпусти, пожалуйста.

На миг сильные руки сжали чуть крепче, но тут же позволили соскользнуть вниз.

— Когда я на него упала, этот гад занимался вполне реальным сексом с какой-то рыжей.

Толик нервно вздрогнул и, вдруг, запрокинув голову громко рассмеялся.

— Вот чего ты ржешь? — хихикая за компанию, фыркнула. — Только представь, что я почувствовала, упав на спину будущему мужу, который в этот самый момент... Ну, ты понял. Пожалел бы лучше.

— Уже жалею! — сквозь смех ответил он и, потянул на себя, обнял.

Я уткнулась носом в широкую грудь, всё еще сотрясающуюся от хохота и уточнила:

— Меня?

— Его!

И я задохнулась искренним возмущением. Нет, ну каков нахал! У меня горе, жениха в постели с любовницей застукала, а он не меня, а его жалеет! Оттолкнув остроухого предателя, прошипела зло:

— Ну ты и козлосвин!

Приличный друг должен бы устыдиться, а этот только лыбится! Еще и ржет, как конь.

— Ему ты тоже это сказала? — съехидничал.

— Нет! Возмутилась и приняла активное участие в доведении изменщика до полного крышесноса, путем превращения бурного секса в незабываемый!

К моему глубокому удовлетворению улыбка этого издевателя мгновенно умерла, а смех сменился насадным кашлем. Вот-вот! И так будет с каждым, кто посмеет измываться над попраным чувством прекрасного маленькой и хрупкой меня!

— В каком смысле? — уже совсем невесело, а очень даже подозрительно протянул Толик, откашлявшись.

— В прямом. Устроила скандал не слезая со спины мужика и настучала ему по голове кактусом. А ты о чём подумал?

— Кхм...

С удивлением глядя, как стремительно краснеют заостренные уши и скулы опекуна, нахмурилась, а потом...

— Что-о?! Пошляк! Кактус гони!

Извинился ли он? Сейчас! Перехватив руки, которыми колотила его в грудь, молча поцеловал костяшки пальцев и уточнил вкрадчиво:

— А с оборотнем я тоже все не так понял?

— Понятия не имею, что ты там себе понял!

— Так объясни. Почему он тебе не понравился? Манеры, мама или зубы кривые?

— Кактус! — потребовала упрямо.

А этот снова закашлялся.

— Кривой? — уточнил почему-то.

Да что с ним? Простыл что ли? Постучав друга по спинке, с тяжелым вздохом покачала головой. Точно простудился, бедняжка.

— Толь, я на минуточку к себе в комнату и сразу вернусь, — сочувственно погладив по щеке, сказала. — Ты пока щепки с дивана смети, раздевайся и ложись.

Новый приступ кашля заставил сердце жалостливо сжаться, но, едва шагнула к выходу, друг поймал за руку и нервно протянул:

— Дуся, я не совсем понял. Ты шутишь или на платье намекаешь?

— Какие уж шутки! А платье и так на тебе. Впрочем, — задумалась, вспоминая где у меня разогревающая мазь от простуды, шерстяные носки и травы лежат. Блин, не помню! — Ладно, можешь пока не раздеваться. Замерзнешь еще.

— Дуся?

— Да отпусти ты меня! Лучше диван отряхни от щепок. Или так занозы нравятся?

— Одну и вовсе люблю, — буркнул себе под нос очередную глупость и: — Зачем мне раздеваться?

— Затем! Такой кашель лечить надо, а растирать тебя сквозь платье не вариант. Отпусти, я быстренько сбегаю.

Когда он снова закашлялся, вырвала руку и, торопливо подбежав к окну, закрыла створки.

— Никаких сквозняков! — пояснила свои действия.

— Дуся, я вовсе не боле... — оборвав себя на полуслове, друг внезапно замолк, задумчиво посмотрел на мое встревоженное лицо и кивнул. — Растирать, говоришь? Пожалуй, я и вправду себя не очень хорошо чувствую и, знаешь, наверное, не стоит с такой простудой два портала подряд создавать.

Я только отмахнулась, выскакивая из кабинета. Какие женихи, если Толику плохо?

В комнате быстро отыскала все необходимое и завернула в теплый вязаный плед. Уже в дверях притормозила и вернулась. Торопливо вытащила из шкафа первое попавшееся платье и переоделась. Сейчас свитер Толику и самому пригодиться, а то на нем какая-то тонкая рубашка. Наверное, просвистело, пока за мной в таком виде по лесу гонялся. Вот же я дура! Черт бы побрал эти гены попаданческие вместе с любовью!

Ругая себя на все лады, влетела в кабинет и, остановившись в центре, нервно огляделась прижимая к груди вещи. Обломки мебели аккуратной кучкой высились возле дальней стены. Легкий ветерок колыхал шторы, а на каминной полке исходил паром кофейник. Когда успел приказать принести кипятка? Неужели я так долго? И где он сам? Если куда-то ушел, я его... Сзади с негромким щелчком закрылась дверь, я обернулась.

— Зачем? — когда в замке повернулся ключ, удивленно вскинула бровь.

Болящий небрежно пожал плечами:

— Ты же мне спину растирать будешь, а я не хочу, чтобы кто-то вошел и неправильно все понял.

— Эм... а почему ты ключ в окно выкинул? — еще больше удивилась и, осознав страшное, всполошилась: — Ты зачем вообще окно открывал? Сквозняк же! Продует!

— Извини, забыл, — виновато вздохнул он, закрывая створки. Рама вспыхнула синим огнем запирающего заклятия. — Чтобы случайно ветром не распахнуло.

— Я тебя сейчас укушу, — скрипнув зубами, пообещала и, пристроив плед и остальное на секретер, возмущенно воззрилась на Толика.

— За что? — несколько напрягся он.

— А то ты не знаешь! Разве можно во время простуды магичить? Это же вредно!

Мне почудилось, выдохнул он с облегчением, но разбираться с этим не стала. Просто подошла к нему и, взяв за руку, потащила к дивану. Благо, щепки с него друг успел стряхнуть и, судя по степени чистоты замшевой обивки, даже магией почистил.

— Нет, я тебя всё-таки покусую! Совсем без головы, да? Почему ты так небрежно к своему здоровью относишься? Вот разболеешься, что я буду делать?

— Боишься, отправить тебя к новому жениху не смогу? — язвительное.

— Да иди ты! — задирая подол розового платья и через голову стаскивая его с друга. — Какие женихи, если у тебя кашель? Да я сейчас думать ни о чем другом не смогу, а выбор мужа требует серьезного подхода.

— Уверена? — вкрадчиво.

— Конечно, — подтолкнула к дивану. — Ложись.

Приоткрыв крышечку кофейника, щедро сыпанула в кипяток лекарственных трав. Как раз, пока растираю, заварится. И тут сзади донеслось нарочито невинное:

— Штаны снимать?

Сплотнув, замерла, но тут же сама себя обругала. У меня Толик во время простуды магичил, а я о глупостях думаю! Развернувшись, демонстративно подошла к дивану, развесила на спинке плед, теплые носки пристроила рядом.

— Снимать естественно. Ноги тоже надо растереть и ступни. Не беспокойся, я быстро всё сделаю, а под пледом не замерзнешь, — открыв банку с бальзамом, сурово посмотрела на этого самоубийцу. Резкий запах можжевельника и бергамота ударил в нос, перебивая ароматы прочих компонентов состава. — Если уж ты так неосмотрительно потратил силы, придется тебе теперь отлеживаться. И только попробуй мне про работу заикнуться! Своими руками рога обломаю!

— Так у меня их нет, — аккуратно повесив брюки на стул, фыркнул мужчина насмешливо.

Вот же! Большой взрослый дядька уже, а ведет себя как маленький!

— Тогда за уши отгаскаю, — шагнув к нему, решительно зачерпнула мази и, поставив баночку, обеими руками принялась тщательно втирать её в широкую грудь.

— Дуся, у тебя щеки красные, — почти сразу же заметил друг невинным тоном.

— Угу.

— И уши.

— Угу.

— И...

— Замолчи, а? — буркнула. — Всё! Ложись на диван.

И этот... этот... фей-крестный лег на спину! Причем закинув руки за голову и поглядывая на меня с самым хитрым видом. Ну не балда ли?

— На живот! — рывкнула, чувствуя, как лицо буквально пламенеет от смущения.

Руки дрожали, коленки тоже. Тело и вовсе огнем горело, а внутри все пульсировало и тянуло. От вида могучего тела, послушно растянувшегося на диване лицом вниз, в горле пересохло.

— Кажется, я от тебя заразилась, — проворчала досадливо.

Нет, я не совсем кретинка, но признавать очевидное не хотелось. Мне Толика лечить надо, а не... Всё, дурные мысли прочь. Извращенка! Бедному ушастику плохо а я на его попу люблюсь. Тем более, спина и плечи, все равно лучше, да и ноги... Черт!

Тряхнув головой с усилием сглотнула и, накрыв пледом отвлекающие от главного формы, села на подлокотник.

— Так неприятно смотреть? — тихо проговорил Толик, а я... в культурном шоке.

Да! Именно в шоке. От собственной реакции и безответственности. Ну, и от длинных мускулистых ног вкупе с узкими бедрами, и выпуклой рельефностью... мышц, и... Будь я в адекватном состоянии, непременно отшутилась бы или промолчала на худой конец, а так ответила, не задействуя мозг.

— Будь так «неприятно» смотреть на любого из женихов, уже давно со всех сторон замужем была бы.

Потом поняла, что и кому сказала, но ужаснуться не успела, потому как из-под пледа донеслось довольное:

— Вот прямо одни уроды? Вроде, принцы для попаданок задохликами не бывают.

Говори он серьезно, наверное, смутилась бы, но шутливый тон успокоил, и я просто улыбнулась, пристраиваясь на подлокотнике и принялась растирать левую ступню полукровки.

— Ну, почему сразу уроды? — тщательно разминая его длинные пальцы и получая от этого массу удовольствия, пробормотала. — Очень даже красивые мужики, но лучшее враг хорошего.

Я так увлеклась массажем, что едва не забыла о его предназначении. В смысле, о том, что лечу, а не просто щупаю. Но Толик и вправду простыл сильно, потому как пару раз даже застонал в подушку. Не громко, но я услышала и, опомнившись, натянула на узкие ступни шерстяные носки, которые вязала для них же к зиме.

Зачерпнув еще бальзама, взялась растирать икры. И выше... И еще выше...

Увы, за болезнью я не успевала, поскольку с каждой минутой другу становилось всё хуже. Он даже подушку закусил, чтобы не стонать, и вцепился в неё, как утопающий в спасательный круг. Самую выдающуюся часть полуобнаженного мужского тела, разделяющего ноги и спину, пропустила. Если честно, едва не растёрла и её, увлекшись, но вовремя руку отдернула, а когда начала растирать спину, послышалось сдавленное:

— Дуся, тебе же так неудобно. Садись.

К этому моменту я уже давно встала с подлокотника, ибо мои руки не бесконечны, а ноги у Толика длинные.

— Диван узкий, — возразила здраво. — Твоя спина его почти полностью занимает.

— Так ты на меня садись.

Я покосилась на... «разделительную» часть и покраснела. Странно, но последовать

совету хотелось до дрожи в коленках. Тем более они, коленки то есть, реально едва держали. Я точно заразилась...

— А я тебя не раздавлю?

— Когда ты на женихов падаешь, тебя это не волнует. Или считаешь меня хлюпиком?

В его голосе промелькнула обида и пришлось реабилитироваться:

— Нет, ты даже сильнее, — призналась с тяжелым вздохом. — Только тебя жальче.

И, подобрав подол, всё-таки села верхом ему на попу. Уши горели, зато растирать спину и закаменевшие мышцы демона так было и вправду куда удобнее. Одно плохо — всё-таки простуду от опекуна подцепила. Бросило в жар. Я с трудом сдерживала стоны. И если бы только их! От желания поцеловать каждый изгиб, каждый кусочек гладкой кожи уже голова кружилась, а перед глазами все плыло. Или это тоже от простуды?

— Дуся, тебе нехорошо? — с преувеличенным участием спросил друг, и только тогда я осознала, что стон огласивший кабинет пару секунд назад был моим.

— Кажется, я тоже простыла, — прикусив губу, прошептала неуверенно и встала, полностью укутывая опекуна пледом.

Толик повернулся на бок и, приподнявшись на локте, прищурился.

— Симптомы? — уточнил требовательно.

— Жар, головокружение, слабость... — неуверенно перечислила и отвернувшись. Под пристальным взглядом серых глаз стало еще хуже. — Сухость во рту...

— А живот не болит? — хрипло.

Уф, то есть все же простуда? Если симптомы совпадают, значит...

— Раздевайся!

— Что? — обернулась я и уставилась на Толика.

— Снимай платье, я тебя тоже разотру, — пояснил он и сел. Нахмурился. — Только сначала подай мне рубашку. Мне сейчас лучше не вставать.

— Эм... все так плохо? — всполошилась. — И тебя ноги не держат?

— Не совсем, — загадочно ухмыльнувшись, он почему-то улыбнулся.

Неожиданно в голову робко постучалась здравая мысль. Я бы даже её впустила и обдумала, но почему-то казалось, это все испортит. Что испортит? Чем этому «всему» опасна одна-единственная здравая мысль? Я не знала, но решила, что простуда — очень даже весомая причина поддаться собственной попаданской природе и действовать по наитию.

— Ладно, — сглотнув, кивнула. — Только сначала ты отвар выпьешь.

— Мы выпьем, — с нажимом на «мы».

Спорить смысла не было, так что я разлила отвар из кофейника по чашкам. У отца в узком шкафчике, притаившемся в самом темном углу, на всякий случай всегда имелись не только чашки, но и бокалы вместе с запасом крепкого алкоголя. Ни разу не видела, чтобы он его пил, но и во время важных встреч меня в кабинет никто не звал.

Пока доставала посуду, пока разливала противпростудный отвар, Толик следил за мной странно пристальным и чуть ли не жадным взглядом. От этого кожа буквально горела под тканью светлого домашнего платица, а голова кружилась все сильнее. Ощущение, будто сплю и чуть ли не со стороны смотрю на движения собственных рук.

Шорох длинной, в пол юбки, заполняет помещение, бьется в стекла окна и, возвращаясь, сливается с прерывистым дыханием. И каждый шаг, каждый жест словно растягивается во времени, растворяясь в непонятном налёте нереальности... Магия?

— Слушай, — вернувшись к дивану, протянула одну из чашек полудемону. — Ты бы не колдовал в таком состоянии.

И единственный отклик — его вопросительно вскинутая бровь. Пришлось пояснить:

— У меня какое-то странное чувство, будто ты меня заколдовал. Не стоит злоупотреблять магией во время болезни. Осложнения можно получить. Тебе оно надо?

И опять он ничего не ответил, молча впиваясь в отвар. А глаза сверкают загадочно и в то же время довольно. Насмешливо, чуть лукаво и так... будто неожиданно для себя познал смысл жизни, причем в новом знании только хорошее. Сумасшедший! И заразный, потому что у меня от этого взгляда мурашки по всему телу.

Едва не обжигаясь, тороплива проглотила свою долю лекарства, чтобы поскорее выздороветь. Сладковатый привкус трав на языке растекся по нёбу, немного отвлек и, убирая чашку на место, уже почти не дрожала. Толик допил свою порцию одним глотком.

— Убери, пожалуйста, — попросил негромко и поднялся, завернувшись в плед.

— Ты ненормальный? — скептически глянув на него поинтересовалась. — Тебе спину беречь и греть надо, а ты одеяло на бёдра намотал.

Он лишь криво улыбнулся и отмахнулся от меня.

— Так удобнее. К тому же, всё равно, скоро лягу, — и, демонстративно открывая баночку с бальзамом: — Раздевайся. Моя очередь тебя растирать.

— Только грудь я сама намажу!

— Как скажешь, — он протянул банку.

Густо покраснев под пристальным взглядом, зачерпнула немного мази и намазалась. Благо, вырез позволял.

— А теперь раздевайся и ложись, — в приказном тоне. — Дуся?

Я медлила, нервно теребя пуговку на платье. Переодевалась-то впопыхах и белье не сменила, а под джинсы только скроенные по маминому заказу трусики подходят. Маленькие и совсем неприличные для девушки моего положения...

— Та-а-к... То есть ты обо мне позаботилась, а мне нельзя? — обиженно. — Разболеешься же!

Доля справедливости в сказанном была и, зажмурившись, я развязала поясok. Повернувшись к другу спиной торопливо расстегнула несколько пуговиц и позволила платью соскользнуть на пол, радуясь наличию нижней, хоть и коротенькой, сорочки. Наклонилась и, подняв одежду, повесила на спинку последнего стула под аккомпанемент неожиданно хриплого мужского дыхания. Вот нельзя же после разогрева спину студить, а он... Торопливо подбежала к дивану и легла, спрятав лицо на подушке, так соблазнительно пахнущей Толиком.

— Давай быстрее, — попросила. — А то замерзнешь и совсем расклеишься.

— Тебя сквозь сорочку растирать? — совершенно сиплым, срывающимся и почему-то низким голосом прохрипел.

— Вот черт! — чуть приподнявшись, быстро стянула последнее. Вернее, предпоследнее, но учитывая крой белья, разница невелика. Хорошо хоть грудь не видно. — Мажь уже... Только над бельем не вздумай смеяться, мне некогда было переодеваться в путное.

— Смеяться... даже и не думал, — еле слышно прошептал и присел на краешек дивана.

Не знаю, от чего больше в жар бросало — от разогревающей мази, или от прикосновение сильных пальцев, разминающих каждую мышцу. Сильных, но ласковых, бережных и нежных... К счастью, моя спина заметно меньше Толиковой, так что справился

он быстрее, хотя и порывался помассировать подольше. Только я и так едва держалась. Зато поняла, почему он подушку кусал, когда я его растирала. Сама в неё зубами вцепилась, лишь бы удержаться от неуместных стонов.

— Всё, спасибо. Отвернись, я оденусь.

Он молча встал и отвернулся, позволяя натянуть сорочку, а после и платье.

— А теперь ложись, — потребовала. — Уже совсем окован, наверное.

Тихо скрипнул диван. Когда я, застегивая последнюю пуговку на платье, обернулась, Толик уже лежал лицом к спинке, укрывшись пледом. Присев рядышком, погладила друга по волосам и хотела уже посетовать на закрытую дверь.

Вот как мне теперь выйти? Надо запасной ключ доставать, а я код папиного сейфа не помню. Но едва открыла рот, услышала тихое:

— Ложись.

— Что?

— Забирайся ко мне. Так теплее будет, да и вдвоем болеть не так... скучно.

Снова покосившись на дверь, задумчиво прикусила губу и... поддалась соблазну — скинула туфельки и нырнула под плед. Рука сама собой скользнула на талию полукровки, дрожащие пальцы легли на его каменный живот. Уткнувшись носом в плечо, я беззвучно втянула воздух, наполняясь ароматом его кожи. И не знаю, как у меня, но у Толика явно температура — таким горячечно-жарким показалось его тело.

Ничего. Скоро лекарство подействует и все будет хорошо. Уплывая на волнах чего-то волнительно-сладкого, я прильнула к нему в надежде если не согреть, так хоть поддержать самого близкого, самого дорогого и любимого мужчину всех миров, а после и сама пригрелась. Уже в полудрёме почувствовала, как демон повернулся, в свою очередь обнимая.

— Дуся? — перебирая рассыпанные по подушке пряди, позвал шепотом и тихонько подул в лицо.

— М-м-м? — не желая выплывать из сладкой неги промычала невнятно.

— Так чем тебе оборотень не угодил?

Зевнула и, перехватив одну его руку, обняла, пристраивая щеку на широкую ладонь, и ответила:

— Так козел он. Натуральный. В человеческой ипостаси приличный мужик, а в звериной — рогатая вонючка. Зачем мне дети от такого?

Чуть помедлив, он снова спросил:

— А каких детей ты хотела бы?

— Понятия не имею...

От лекарства ли, от утомительного ли дня, или аромата кожи полудемона, но в голове клубилась серебристая дымка с фиолетовым отливом. Осторожные прикосновения длинных пальцев, дыхание моего фея на лицо, его тепло — все это обволакивало, погружая в зыбкий мир тумана и томной неги.

— И всё-таки, — настойчиво повторил Толик, легко целуя в висок.

— Сероглазые, — почему-то выдохнула и почти провалилась в сон, когда сквозь марево нереальности донеслось почти беззвучное:

— Почему ты мне отказала, Дуся?

— Я слишком люблю тебя, чтобы рисковать твоей жизнью, а здесь я сначала принцесса и лишь потом попаданка. Тебя убьют...

Не уверена, что произнесла это вслух. Слишком тесно обнимал сон, слишком

трепетным и нежным оказалась его близость.

— То есть... — прошептал серебристый туман, проникая под кожу — это единственная причина отказа...

На миг распахнув глаза, поймала напряженный взгляд демонических очей и улыбнулась.

— Люблю тебя, — зевнула. — Больше жизни. Всегда любила.

И, уткнувшись носом в окаменевшее плечо, провалилась в царство сновидений, где, как и всегда, рядом был он — мой самый лучший, самый сильный, надежный и смелый...

Проснулась я в полумраке. В это время года светает поздновато, а тут еще Толик шторы задернул. Несколько секунд молча всматривалась в потолок, а после медленно повернула голову. Увы, ощущения не обманули. Друга рядом не было. Ни на диване, ни вообще в кабинете. Или это к лучшему?

Повалявшись еще чуток, выбралась из-под уютного пледа и... Рядом с диваном стоял стул, на котором обнаружилась чашка с уже подостывшим травяным чаем, ключ, записка и кактус.

Нервно сглотнув, уставилась на последний, чувствуя себя, будто меня ударили. Даже дыхание перехватило. И вроде ничего особенного, всё, как и должно быть, а на глаза навернулись слезы. И вовсе не из-за того, что простуженный фей-крестный опять магичил с температурой, хотя за это он от меня еще получит на орехи. Но как-то... не хотелось начинать поиски мужа. Не сейчас. С другой стороны — а когда? Время-то идет.

Медленно протянув руку, переставила чашку, освобождая листочек, исписанный крупным знакомым почерком опекуна.

«Доброго тебе утра, малышка! — писал он. — Прости, но я вынужден срочно уехать. Не беспокойся, я обо всем позаботился. Слуги и управляющий в курсе, с поместьем всё будет в порядке. Что касается Темного властелина, я немного доработал заклинание переноса. Оно активируется без моего присутствия, как только возьмешь кактус. Удачи тебе, Дуся, и помни, что я тебя очень люблю.»

И подпись — «твой». Просто «твой», без продолжения или имени.

Тяжело вздохнув, несколько раз перечитала записку и встала. Зажгла свечу и вскоре листочек обратился пеплом. Оставлять его здесь не хотелось. Еще не хватало, чтобы слуги личную переписку нашли! А брать с собой... Я ведь к будущему мужу отправляюсь.

Для начала сходила к себе, благо ключ, чтобы запереть кабинет с кактусом, Толик оставил. Тщательно умывшись, расчесала спутанные волосы, но прическу делать не стала. Почему-то было совсем тошно и производить впечатление на очередного жениха совсем не хотелось. В конце концов, какая разница? Всё равно ведь влюбится и женится, в каком бы виде я к нему не завалилась. В итоге, поддавшись мрачному настроению, надела черное приталенное платье и туфли в тон. Пора.

Войдя в кабинет, прикрыла дверь, но запирать не стала, положив ключ на каминную полку, и огляделась. Толик в своем репертуаре — ни одной даже завалящей бумажки. Видимо, все документы убрал в сейф. Печально улыбаясь раздвинула шторы. За окном шел мелкий дождь. Мокрые деревья внизу смотрелись как-то жалобно, зато очень соответствовали моему настроению. Осень...

С пол часа молча стояла у окна, тщетно настраиваясь на позитивный лад. Увы, попаданческие гены никак не желали активироваться. Может, перенести знакомство с

будущим супругом на завтра? Или на послезавтра. Поймав себя на мысли, что можно и вовсе дождаться опекуна и лишь тогда рисковать с телепортацией, тряхнула головой.

Так дело не пойдет! Кто-нибудь может случайно схватиться за кактус, и что тогда? Неизвестно ведь, куда и как надолго уехал Толик, а слуги... Без попаданческих генов сваливаться темному властелину на голову совсем небезопасно.

Решительно расправив плечи, я оправила платье. Властелин так властелин, а настроение — мелочи. На месте разберусь. И я пересекла кабинет, чтобы протянуть руку к растению. На несколько секунд пальцы замерли возле него, колючего на сей раз, а потом... сомкнулись на шероховатой поверхности обычного глиняного горшочка. Уже привычно закружилась голова, и я провалилась в портал.

Думала, приземлиться в постель к жениху, когда тот развлекается с любовницей — неудача? Ха! Новая попытка обрести мужа привела во мрак. В том смысле, что, открыв глаза, я почти ничего не увидела. Вокруг царила угольно черная темнота с запахом пыли и чего-то волнительно-жуткого. Лишь вдалеке тускло светилось багрянцем нечто, подозрительно напоминающее жертвенный алтарь.

— Мама, — пискнула испуганно, ощущая, как сильные руки, подхватившие в момент падения, сжимают крепче.

Этот мой негромкий вскрик заметался под потолком, эхом возвращаясь от невидимых стен и сводов. Внезапно из мрака выступил... кто-то. Обнаженный мужской торс и мускулистые руки освещались выведенными на них красными узорами. Ниже узкой талии незнакомец был одет и, видимо поэтому, ноги и бедра его сливались с темнотой. Лица я тоже не видела — лишь тяжелый подбородок и шею.

— Какая сладкая девочка... — низким голосом прогудел мужчина с высоты почти трехметрового роста. Во мраке сверкнули острые клыки. — Аппетитная.

— Мама... — снова повторила, инстинктивно обнимая за шею того, кто меня держал. Он, кстати, оказался одет и потому не светился, оставаясь невидимым.

Во что я вляпалась? Неужели Толик напутал с переносом? Экспериментатор остроухий! А ведь мог! Ведь до этого раза всегда в его присутствии портал активировался, а еще...

— Вот кого-кого, а твоей матушки здесь точно нет, — ехидно хмыкнул еще один «расписной» мужик, выступая из-за спины первого. — Батюшки тоже, но с ним могут быть варианты.

И уже два комплекта белоснежных длиннющих клыков сверкнули во мраке. Я сжалась, прекрасно осознавая, что сопротивления одной маленькой меня против сразу трех бугаёв бессмысленно. Побег тоже, ибо вслепую далеко не убежишь, а... Кактус!

— Я... — сглотнув, попыталась собраться с мыслями и, прикидывая, куда и как швырнуть горшок, чтобы уж точно разбился, проговорила: — Меня Дусей зовут и... я попаданка. Потомственная!

— Оно и видно, — первый, который сладкой называл, протянул руку и коснулся моей щеки длинным загнутым когтем. — Попала ты, девочка, знатно.

И он склонился ниже, с шумом втягивая носом воздух, будто я не человек, а какой-нибудь свежее испеченный пирожок с капустой! Терпкий мускусный запах его кожи не был неприятным — он пугал до дрожи!

— Меня жрать нельзя! Отравись! — отшатнувшись, взвизгнула и с перепуга кляцнула зубами перед носом клыкастого людоеда. — Кыш!

А он... он... рассмеялся! Жуткий хохот заметался под сводами то ли пещеры, то ли гигантского зала, мурашками ужаса оседая на коже.

— Я тебе не птичка, — под аккомпанемент рычания удерживающего меня мужика, резко переключаясь от смеха к откровенно угрожающему тону, зашипел. — Заруби это себе на носу, Дуся!

— Для тебя Дульсинея, хам! — не выдержав, рывкнула я и что есть силы метнула кактусом ему в лоб.

И застыла в немом ужасе, потому что... он его просто поймал. Мамочки... Это из рук у меня вырвать спасительный горшочек нельзя было, магия феи-крестной сработала бы, а теперь...

— Милый цветочек, — хмыкнул этот гад. — И что дальше? Будешь кидаться обувью и предметами одежды?

— Отдай!

Я рванулась к нему в безумной попытке отобрать свой билет домой, но тщетно. Хуже того! попытка вырваться активировала держащего меня на руках мужика. Крепко стиснув, он в сопровождении светящейся парочки направился к тускло мерцающему багрянцем алтарю.

— Э, вы чего? — взвыла, трепыхаясь в кольце сильных рук, будто птичка в силке. — Да как вы смеете! Я попаданка! Я... я... я всё Толику расскажу-у-у...

— Ну-ка тормозни, — приказал мужик слева. — Кажется, эта пигалица нам угрожать пытается.

— Ни шиша! Угрожать я вам буду, если не прекратите нарушать законы жанра, а пока просто истерю! Я домой хочу! Что за темный властелин в трех экземплярах, да еще такой тупой?

— Кто тупой?! — зашипел правый. — Какой еще властелин, дурында блондинистая!

— ТЫ! — заголосила, пытаясь достать до него пяткой. — Был бы умный, отдал бы кактус и жил спокойно! Я вам своими генами сейчас все жертвоприношение испоганю, да еще и храм развалю! Властелин расплескавшийся! Светильник топотушный! Клыкастик безголовый! А-а-а!!!

И я завизжала, выжимая из себя всё, на что были способны легкие и связки. Еще и к невидимому уху несущего меня мужика поближе подтянулась! Наверное, просто повезло с акустикой, или попаданские гены сработали, но сверху посыпалась пыль, труха и мелкие камушки.

Сопровождающее натурально схватились за головы! Алые рисунки на их руках и тыльных сторонах ладоней высветили спутанные космы, широкие подбородки и нечеловеческие скулы. А когда левому прямо по тыковке прилетело из темноты приличных размеров обломком каменюки, я услышала та-а-акой рык!

И все бы ничего, одетый и потому почти невидимый мужик даже хватку ослабил на полсекундочки. Я даже умудрилась выкрутиться из захвата и попыталась сбежать, на карачках уползая во мрак, но ушибленный каменюкой перехватил. Да так ловко и шустро, что я сама не поняла, как сменила детскую ползучую близость к пыльному каменному полу на бултыхание в воздухе в подвешенном состоянии. Этот гад держал меня на весу, одной цапалкой обхватив оба запястья. И судя по всему, ему даже тяжело не было! Какая досада.

— Предлагаю не мучиться с обрядом и просто прикопать этот кошмар по-тихому, —

прошипел он.

— Что? Да как ты...

И тут заговорил второй:

— Поддерживаю. И Толика её рядом, чтоб неповадно было. Это же надо было иметь рядом такое безобразие и не оградить от него окружающих! — рыкнул и зашипел в сторону третьего: — Ты как считаешь?

— Ах ты! — на мгновение представив, что Толика они и вправду смогут отыскать, хотя бы с помощью того же кактуса и остаточного следа, перепугалась не на шутку. И разозлилась. — Только попробуйте моего ушастика обидеть! Я ж из-под земли вас достану! Хвосты поотрываю, рога пообламываю и вареный шпинат жрать до скончания века заставлю! Без соли и лимона! Я к вам по ночам являться буду!

— И?

— Петь! Громко, противно и долго!! И вот учтите, развеять мой призрак не удастся. У меня магия хитрая, непредсказуемая. А ещё... ещё... я вас в золотистый блонд перекрашу! И зелье для потенции сварю, да такое, что после не то что к женщинам, к зеркалу подойти будет стыдно!

Граблялка держащего меня гада дрогнула, но удержала, зато как гулко он сглотнул, расслышали все.

— Так ведь... ДЛЯ потенции, — проблеял нервно.

— Да, но это МОЕ зелье, непредсказуемое! А я еще и постараюсь, чтобы никто твой агрегат после употребления составчика от каперса не отличил! Или от бананового пюре! И еще...

— Закапывать придется глубже, чем я рассчитывал, — с некоторым даже уважением прогундел второй, и матюгнулся, когда и ему прилетело чем-то по маковке.

— Не поможет! Я упертая, — уверила, извиваясь и пытаясь достать ногами до морды пленителя. Увы, держал он крепко, и рука у него была длинная. Я только по животу его и попадала, а потом... упала.

— А-а-а!!! — взвыл он громко и так тоненько, что мой собственный визг стыдливо попятился.

Какой фальцет! Видно, куда-то я все же своей остроносой тувелькой дотянулась...

Следующие минуты три мужик самозабвенно скулил, катаясь по полу, а я искала выход из сложившегося положения. Увы, кактус отнять возможности не представилось — пришлось банально наворачивать круги по бесконечному темному залу, петляя и падая, поскольку не ошастливленные новыми голосовыми возможностями уроды попыток «поймать и прикопать» не оставляли.

Если выживу, Толику мало не покажется! Чтоб ему икалось с этим экспериментальным порталом! Куда он меня запулил? Не к Властелину точно! И даже не к эльфам! Вот попадись ты мне только, халтурщик безрогий!

— Отдайте мой кактус, я вас прошу! — заорала, в последнюю секунду уворачиваясь от светящейся когтистой руки. — Я вам даже мстить не буду, если домой отпустите!

Увы, дверей я так и не обнаружила, а долго бегать от парочки местных, которые, в отличие от меня, в этом жутком чернильном мраке явно видели весьма неплохо, невозможно. В конце концов, когда я в очередной раз шарахнулась от светящегося, попала прямиком в цепкие объятия темного.

— Пусти!

Но он перекинул меня через плечо и молча потопапал... ко все тому же алтарю. Блин, он немой, что ли? Изогнувшись, уже хотела об этом спросить, но тут увидела, как возле жертвенного камня в полный рост поднимается первый, тот, что моими стараниями фальцетом петь научился. И вот больше всего в этом мне не понравилось хищно сверкающее алым лезвие огромного тесака. Нет, в когтистой лапе полуметровый ножичек смотрелся почти изящно, и почему от этого легче не стало?

Сглотнув, зажмурилась и... нет, не завизжала. Просто призвала магию. Знаю, попаданкам этого делать не пристало, но как-то играть по правилам уже слишком жутко. С моими способностями магию применять тоже небезопасно, но тут уж — будь, что будет.

Дело в том, что никто, включая меня саму не мог предсказать, как сработает то или иное заклинание. Преподаватели в академии это не сразу смекнули, но когда дошло, моё обучение обрело чисто теоретическую направленность. А кому понравится, если попадание классического, по всем правилам сплетенного фаера в учебную мишень приводит к...

Помнится, мое первое практическое занятие на полигоне завершилось очень быстро. Первое же попадание в мишень ознаменовалось исчезновением штанов со всех студентов и преподавателей в радиусе пары миль. А ведь академия наша с военным уклоном, так что брюки носили не только мужчины, но и добрая половина преподавательского состава и студенток! Такой визг стоял...

Естественно, урок был сорван. Я свой фаер плела под пристальным контролем метра Горилана. Никому и в голову не пришло заподозрить в не по годам старательной отличнице виновника безобразия, накрывшего старейшее учебное заведение страны. Зря, кстати. На следующем занятии второй мой фаер вырастил на головах у всех лысых и бритых дивный урожай так любимой мною клубники.

Правда, почему-то ягоды получились всех оттенков радуги, но, по словам рискнувших попробовать, на вкус от обыкновенной почти не отличались. К слову, мои заклинания срабатывали странно примерно два раза из трех, но это удалось выяснить много позже путем банальных исследований страданий моих ни в чем не повинных жертв.

В общем, спустя три года, выдав диплом мага низшей категории, меня вытурили из академии без права продолжать обучение и взяв слово, что практиковать я не буду ни под каким предлогом. Они бы и раньше меня выгнали, но оставить на свободе мага, не способного контролировать себя — чересчур опасно, а запечатать не смогли. Пытались, но в результате только сами пострадали, получив хитровывернутый откат отраженных заклятий. И вот даже вспоминать не хочу, какой именно! Просто, до сих пор стыдно и жалко их, бедных.

А вот расписных мужиков, которые меня собирались на ленточки порезать было не жалко, и я наугад пульнула в темноту фаером и для надежности следом за первым кинула еще два. Или три... Или восемь... Я не считала, если откровенно — просто сосредоточенно швырялась энергетическими клубками, пока несущий меня самоубийца не просек в чем дело. Впрочем, когда он, застонав в голос, перехватил меня и стиснул, лишив возможности двигаться, дело было уже сделано.

— Эм... — пробормотал стоящий с ножом мужик. — А в храм ведь магию поглощает? Кажется...

Угу. Может, и поглощает, но не попаданческую же. И я, вспомнив мамины сказки, выдала хохот безумного гения, чтоб им совсем страшно стало. Наградой мне стал слаженный страдальческий стон жертв моей магии!

Тем временем чернильный мрак начал вспыхивать розовыми искорками. Тяжелый аромат роз перебил бытующие здесь прежде запахи. А потом началось светопреставление. Причем буквально. Мрак раздвинулся, впуская четко очерченные ленты розового тумана. Последние танцевали, переплетаясь, но не сливаясь с черными. Вкупе это напоминало танец колористических змей, надвигающийся на нас со всех сторон. И в качестве звукового сопровождения — плеск.

Через минуту, мужики стояли чуть ли не по пояс в воде, лишь самая макушка жертвенного алтаря над поверхностью и виднелась. В мерцающей глубине мелькали светящиеся золотые рыбки, неторопливо перемещались полупрозрачные медузы, а на полу, который теперь был виден, колыхались актинии самого причудливого вида. Яркие, разноцветные и тоже светящиеся...

— Очень рекомендую, пока не поздно, попросить у меня прощения и отпустить, — не скрывая гордости, посоветовала. — И кактус верните.

Довольная собой и экспрессивностью брани, выдаваемой «жертвами» попаданческой природы, я посмотрела в лицо все еще удерживающему на руках мужику. Ничего особенного не увидела, но захотелось снова завизжать. Тьма под капюшоном казалась гуще окружающей, да еще и клубилась, как живая.

— Ну, уж нет, — донеслось от алтаря злое, но не лишнее благоговейного трепета. — Отпускать это чудовище точно нельзя. Отдать врагу это оружие массового поражения — натуральное безумие. Тащи её сюда.

— Уроды безмозглые! Я же попаданка! Нельзя меня жрать! И убивать нельзя! Толи-и-и-ик!

Как ни печально, моим воплям никто не внял. Фей крестный тоже не появился, хотя в глубине души я очень на это надеялась. Как ни сопротивлялась, меня все же дотащили до багряной каменюки.

— Нет! Пусти ты, имбецил харизматичный! Грабли убери! А-а-а!!

Но мужик уложил на жертвенный камень и, прижимая всем телом, сцапал мою руку. В следующую секунду её пронзила короткая вспышка боли, а потом...

— Вот же, адское пламя! — воскликнул кто-то из светящихся, когда алтарь вспыхнул ослепительно ярким алым светом. — Благословение богов! Истинная пара...

Я взвыла. Если это было не жертвоприношение, а обряд — это... это... Я замужем!!!

Свечение постепенно сходило на нет, да и хватка новоиспеченного супруга ослабла. Всхлипнув от ужаса, села и посмотрела на руку, которую он все еще удерживал прижатой к камню. Удивительно, но порезы были у нас обоих. Кровь на глазах впитывалась в алтарь, а ранки ярко светились и... затягивались.

Перевела взгляд на склоненную голову в капюшоне. Ощущение, что и капюшон, и плечи, и вообще весь целиком новоиспеченный супруг пребывает в шоке.

— Ничего не понимаю, — растерянно выдал расписной мужик с ножом. — Как это? Она истинная пара? В таком случае что это было?

— Вы идиоты, — убито пробормотала я. — Попаданки чуть ли не всегда именно истинные пары своих мужей. Чего тут непонятного?

— Не понятно, зачем было древний храм уродовать!

— Затем! Кактус отдай. Мне домой надо, Толику уши драть за халтурный портал и думать, как теперь развод оформлять, психи ненормальные.

— Что?! — взревел... муж.

— Ага, всё-таки говорить можешь, — Выдернув у него конечность, я с сомнением посмотрела на проплывающую мимо рыбину, подозрительно напоминающую ядовитого слаа с южного побережья. — Я уж решила, что ты немой.

— Твой! — рывкнул он так громко и страшно, что сверху опять что-то упало.

— Размечтался! И пока я Толику все претензии не выскажу, не успокоюсь! Он...

Договорить я не успела. Тип в капюшоне рывком притянул к себе, облапил и впился невидимыми сквозь тьму губами в мои губы жадным, каким-то остервенелым поцелуем. Нет, я честно пыталась вырваться, но без толку. Силищи у мужика оказалось немеряно, а после... случилось самое жуткое — я ему ответила. Сама не поняла, в какой момент, но сопротивление растаяло, как лед на солнце, и внутри все запылало, потянулось к... истинной паре.

Я бы ужаснулась этому факту, но мысли растворились в сером тумане, руки сами собой поднялись, обвивая шею этого гада, а под сводами испоганенной моей магией храма заметался стон. Тоже мой. Эхо подхватило его, дробя и множа...

— Э-э-э... Мы, пожалуй, пойдем... — раздался голос кого-то из расписных.

И тут алтарь снова ослепительно вспыхнул алым, а когда свет потух...

— Где это мы? — ошалело крутя головой, пропищала я. — Как тут очутились?

Мы оказались в комнате, напрочь лишенной окон и дверей. По камням одной из стен стекала вода, собираясь в углублении, занимающем добрую треть помещения. Еще треть приходилась на огромную, метра три на три кровать. На оставшемся невеликом пространстве находились низенький столик, заставленный едой и питьем, и огромный камин без трубы. Причем в нем жарко полыхали сваленные кучкой голубые камни, а дыма не наблюдалось. Ну, и мы двое, стоящие на черной шкуре кого-то очень мохнатого и давно почившего с миром.

— Последствие брачного обряда, — самозабвенно целуя в шею, невнятно прохрипел муж.

Нет, оно понятно, что говорить и целовать одновременно не слишком удобно, но мог бы и поточнее выразиться.

— А как отсюда выбираться? Дверей-то нет, а мне надо к Толи...

В следующую секунду мокрое платье, местами прилипшее к телу, приказало долго жить.

— Что ты творишь?! — прикрывая грудь руками, пискнула, отступая.

— Консуммирую брак, — пояснил он совсем хрипло и отбросил в сторону обрывки ткани.

Я еще раз шагнула назад, но уперлась в кровать и, не удержав равновесие, с маху на неё села. Мамочки! Что же мне теперь делать? Как избавиться от этого маньяка, который ко всему прочему еще и моя пара...

— Ты ведь хочешь отсюда выйти, Дуся?..

— Не смей меня так называть!

У меня дыхание перехватило, когда он, ничуть не смутившись, продемонстрировал фокус с мгновенным уничтожением платья на примере собственной одежды. Спустя пару ударов сердца, передо мной стоял...

— Толик, ты обалдел? Ты...

— Твоя истинная пара. Отец, конечно, еще долго мне будет припоминать изувеченный твоими стараниями храм, но оно того стоит. Теперь уж ты не отвертись!

— Но... но...

— Кстати, я уговорил младшего сына Правителя меня усыновить, так что теперь я вроде как принц, но без права наследования. Всё в соответствии с законами жанра.

— Но ты...

— Люблю тебя!

Он опрокинул меня на кровать, вжимая в упругий матрас всем телом, впиваясь в губы жадным и в то же время нежным поцелуем.

И вот я бы ему сказала, что обо всем этом думаю! Я бы столько всего сказала! Только очень быстро все слова вылетели из головы, и стало не до разговоров.

Со всех сторон идеальный муж потомственной попаданки самозабвенно консуммировал брак. И да, я была всем своим попаданческим существом «за».

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net